

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МИЛА ВЕРТА

18+

*Строготишва
сиротка дия*

АИСБЕРГА

Мила Верта

Строптивая сиротка для Айсберга

«Автор»

2023

Верта М.

Строптивая сиротка для Айсберга / М. Верта — «Автор», 2023

История противостояния современных Кая и Герды. Маша - вчерашняя школьница с ворохом проблем, которая отчаянно пытается найти сестру и выяснить, почему много лет назад родная мать отдала их в детский дом. Кай - мажор с трудным детством, полон комплексов и обид. Прожигает жизнь в попытке найти свое место под солнцем. Две параллельные, которые не должны были пересечься. Но у судьбы на них свои планы. История непростая, будет больно, смешно, местами психованно. Всё как в жизни. ХЭ будет.

© Верта М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Кай	5
Глава 2. Маша	8
Глава 3. Маша	10
Глава 4. Маша	16
Глава 5. Кай	20
Глава 6. Маша	22
Глава 7. Маша	24
Глава 8. Кай	32
Глава 9. Кай	34
Глава 10. Кай	36
Глава 11. Кай	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Строптивая сиротка для Айсберга

Глава 1. Кай

Басы долбят так, что стаканы с алкоголем дребезжат, а зажигалки забавно едут по столу. В пятницу в «Перце», как обычно, шумно. Макс ржёт и пытается что-то показать жестами.

— Чего? Это ты мне показал? Сам такой.

Показываю ему средний палец в ответ и тянусь к кальяну. Сегодня мы в ВИПе. Кожа-ные черные диваны, разноцветные подушки, приглушённый свет. Хороший алкоголь и секс по желанию. Я вот даже пожелать не успел, как меня оседлала длинноногая блондинка, грудастая.

— Привет, Айс, скучал? — хрипло шепчет девчонка и начинает на мне ёрзать.

— Очень.

Мы спим с ней периодически. Карина? Ирина? Марина?

Девчонка, не теряя времени, целует меня в шею, скулы, подбородок, губы.

Не прерывая поцелуя, на ощупь беру телефон со стола и одним глазом набираю Максу сообщение: «Не сваливай, я быстро».

Имя моей сегодняшней феи вертится на языке, не могу вспомнить. Будет котенком. Чувствую, ей зайдет что-нибудь животное.

Девчонка тихонько постанывает и раскачивается на мне.

— Голодная, что ли? — хмыкаю блондинке в рот, прикусив нижнюю губу.

— Угу, ты же не позвонил.

Упрек?

— Я звонил, — откровенно вру. — То есть собирался, закрутился, забыл, наверное.

Давай дальше сама додумывай.

— Я все понимаю, — шепчет дева и руками ныряет мне в волосы, осторожно освобождаю свою шевелюру.

Не люблю, когда трогают голову.

— Ты умница.

Сжимаю ладонями крепкую задницу, теснее прижимаю к паху.

Языком провожу по скуле, к ключице, и осторожно через топ прикусываю сосок.

Девчонка всхлипывает.

— К тебе?

Не теряет надежды попасть на мою территорию. Это зря.

Подхватываю барышню на руки, она обвивает меня ногами и больше не задаёт вопросов, потому что знает, куда я её несу. Была в этой комнате, и не раз, и, скорее всего, не только со мной.

Толкаю ногой дверь, мы оказываемся в небольшой комнате, примыкающей к нашей ВИП-зоне. Приглушенный свет, из мебели только круглая крутящаяся кровать, кидаю на неё свою ношу. Фиксирую педаль.

Девчонка взвизгивает, хохочет, стягивает топ через голову, быстро расстёгивает юбку.

Чёрное кружево весьма предсказуемо, но все равно горячо. Фея призывно облизывается, и член отзывается пульсацией, в штанах становится тесно. Она встаёт на четвереньки. Знает, как я люблю.

Расстёгиваю джинсы, привычным движением раскатываю презерватив по члену, подтаскиваю девчонку за бёдра к краю кровати. Стягиваю трусики к коленям. Шлепок по заднице, протестующий вскрик. Резкий толчок, и я оказываюсь там, куда меня так настойчиво приглашали.

Темп резкий, в последнее время заносит меня. Надо было хоть разогреть девочку.

Не люблю прелюдий. Никогда не понимал, к чему все эти телячьи нежности, если в итоге все сводится к банальному траху.

Фея стонет и пытается вывернуться, беру её за холку и разворачиваю к себе спиной. Другой рукой прищипываю по очереди соски, настойчиво поглаживаю клитор, щёлкаю пальцем по набухшей плоти.

Толчки становятся агрессивнее резче.

Надо бы нежнее, конечно, но не получается.

Мне просто нужна разрядка. Фея стонет и скребет простыни.

— Котенок, ну же, взлетай! — моё дыхание учащается.

То ли от моих слов, то ли от пальца, мучающего ее клитор, она вскрикивает, и я чувствую характерные спазмы на члене. Есть. Шумно дыша, кончаю следом. По мышцам разливается привычная нега, даю себе время отдышаться и отхожу. Девчонка хнычет, сводит бедра.

Хорошенького понемножку. Снимаю резинку, завязываю и швыряю в урну в углу. Застегиваю джинсы, привожу себя в порядок. Даже жаль, что меня так быстро отпускает.

Девочка смотрит обожающим взглядом. Только этого мне не хватало.

— Ты просто бомба, всё было круто! Но мне пора. Пока, Ирина.

— Я Карина! Ты ведь позвонишь мне? Кай?! — с надеждой мне в спину кричит блондинка.

Ржу, да вспомнил я, что Карина, но у нее такие глаза были, когда называл другим именем.

— Эх ты, Ирина-Карина.

Береги яичники смолоду и не трахайся с чужими мужиками по клубам.

Из клуба мы с Максом вываливаемся ближе к четырем утра. Вызываем две машины такси, прощаемся. Через час поднимаюсь в квартиру.

Как есть, в верхней одежде, падаю на диван, мордой вниз, упираюсь лбом в диванные подушки. Проверяю телефон. Четыре пропущенных от отца, последний — около часа назад. Блядь. И чего ему не спится в такое время? По ходу, завтра в офисе будет лютовать. Что поделаешь, реклама — это не моё.

Достал. У нас взаимная нелюбовь. К сожалению, родственников не выбирают. Тут нам обоим не повезло. И время ничего не меняет.

Восемь лет прошло, как Алексей Вячеславович собственной персоной заявился в нашу квартиру, брезгливо всё оглядел, наорал на пьяную мать, а мне велел собирать вещи.

На мой резонный вопрос к родительнице, что это за хрен с горы и почему он тут права качает, маман сумбурно пояснила, что вроде как отец.

Просто охуеть, что тут ещё скажешь.

А кому я цветочки на могилку носил всё детство? Тот вроде тоже был отец, но недолго. Женился на матушке сразу после нашего с Мишкой рождения, она говорила, что любил нас и раньше у нас была хорошая семья. А потом просто не вернулся с работы. Он участковым был, вызвали, а там пьяная драка, кто-то достал нож...

Нет больше счастливой семьи, а есть убитая горем и все чаще выпивающая мать-одиночка и двухлетние мальчики-близнецы. Я, старший, и младший Миша.

Сначала я был слишком мал, чтобы понимать, к чему всё идёт. Мать начала выпивать, за это периодически вылетала с работы. Новую искала долго и сложно, имея на руках двух маленьких сыновей, один из которых всё время болел.

Мишка родился сильно мельче, и по весу, и по росту. Часто болел, ну а как денег стало не хватать на самое элементарное, болел долго и тяжело. Мать вроде лечила его как могла, а могла она не много. В конце концов наш педиатр забил тревогу, и к нам впервые пришли из опеки.

Мать поставили на учет, обещали нас с Мишкой отобрать. Родительница испугалась, божилась исправиться и даже снова устроилась на работу, пила, конечно, всё равно, но уже не так беспробудно.

А потом на нашем пороге, как спасатель из Малибу, появилась Лена, младшая мамина сестра. Она вышла замуж за американца и осела в Калифорнии.

Явилась, как Санта-Клаус, мать ее, с огромным мешком подарков и забугорных сладостей. Нам с Мишкой тогда было по пять. Помню, как мы ели шоколадные батончики и не могли остановиться, захлебывались слюной от непривычных вкусов. Сожрали в первый же вечер блок «Марса», запивая фантой.

Сейчас понимаю, что это жесть, а тогда не было никого счастливее нас. Лена накупила нам красивой одежды, водила в кафе и на аттракционы в парк. Холодильник ломился от еды, а наши рожи трескали от восторга.

Мы были счастливы. Недолго.

В один вечер нас с Мишкой выдернули из комнаты для серьезного разговора. Мать нервно стучала пальцами по столу, Лена курила вонючие сигареты и с тревогой посматривала на нас. Мы с братом замерли как вкопанные, чуя неладное.

Вдруг мать нервно зашипела:

— Хватит тянуть резину, просто скажи кто?

Тётка присела, поочередно заглядывая нам с братом в глаза. «Что она делает?»

— Я не могу. Как ты себе это представляешь? Они же близнецы! — обречённо бормотала тётушка.

«Не понял? Она выбирает?»

— Тогда бери того, который чаще болеет! У вас там солнце, врачи хорошие, нормальные лекарства!

«Бери того, кто чаще болеет». Мишка. Внутри всё оборвалось. По ощущениям, будто сердце макнули сначала в кипяток, а потом швырнули на снег, добить. Вот оно вроде и бьется еще, пульсирует, старается, хотя ясно же, что не выдержит, остановится.

Так я потерял брата. Все необходимые документы очень быстро были подписаны, опека была более чем лояльной за доллары.

Сначала Мишка стал официальным сиротой, а затем был усыновлен бездетной четой Даллас. И отбыл в США, штат Калифорния.

А я остался, в обшарпанных стенах, с пьющей матерью.

После отъезда брата, мать окончательно понесло: пьянки, драки, собутыльники.

Глядя на все это блядство, я понял, что такое ненависть. В пять лет.

С годами жизнь не сильно изменилась. Школа, секции хоть немного отвлекали от постоянного шалмана дома.

В мои пятнадцать появился папаша, и я вроде как был рад.

Наивный мальчик думал, что теперь у меня появится нормальная семья.

По сравнению с отцом моя выпивоха-мать была просто примером родительской любви и заботы.

Машинально проверяю рукой рельефный шрам на подбородке. Урод, блядь.

Тру ладонями глаза, прогоняя поганые воспоминания. Не надо было столько пить. Всё это всплывает в памяти, стоит только расслабиться.

Пошло оно всё. Достало. «Яблоко» жалобно напоминает, что вот-вот сдохнет. Хочу спать.

Глава 2. Маша

— Соколова, к тебе пришли. Пляши, тебя забирают! В кабинете у Лидочки тетка твоя! — орет Зойка, заглянув в спортзал.

Я нехотя поднимаюсь с мата, где последние десять минут гипнотизировала потолок, и ползу за шумной подругой. Ага, так я и поверила. Когда тебе семнадцать и последние двенадцать лет ты живёшь в интернате, сложно верить в чудеса.

В семнадцать попасть в семью? Чудо? Нет, не слышала.

Интернат — это вообще такое место, которое эти самые чудеса обходят стороной, по крайней мере второй корпус, где живут старшие. Если у малышни есть шанс очаровать потенциальных родителей пухлыми щёчками и искренними улыбками, то для подростков это практически нереально.

В наш корпус, конечно, тоже приходили кандидаты и просто родственники, но попадали в семью единицы.

— Ну чего ты там ползешь?! — подруга нетерпеливо пританцовывает на месте — Ну, ей-богу, такой ты тормоз! Лучше б меня забрали! — комментирует моё «воодушевление» Зоя.

— Выдыхай, бобёр, и успокойся, никого из нас не заберут.

Не верю я в чудеса, и у нас это взаимно.

— Откуда ты знаешь? Эти богатеи год к тебе ездят. Созрели, видимо!

Богатеи — это семья Сафоновых. Альберт и Анжелика. Вообще-то, меня навещала только Анжелика, моложавая брюнетка, дорого одетая и на крутой тачке. И как она могла быть мне тёткой, маминой сестрой? Непонятно. Она была самой холодной и равнодушной особой из всех, кого я знала. Иначе смогла бы она жить счастливо и спокойно спать, зная, что родная племянница в интернате?

— С Богом! — Зойка крестит и вталкивает меня в кабинет к директрисе.

— Машуля, как я соскучилась! — Анжелика, раскинув руки, кидается обниматься.

Вот тебе раз. К чему бы это? Не замечала за ней раньше особой нежности в свой адрес.

— Здравствуйте, тётя, — отыгрываю дежурную улыбку. — Какими судьбами? Вы ведь уже были в этом месяце?

— Ах, дорогая, я так переживала после нашего разговора! — тётка тяжело вздыхает и делает брови домиком. — Даже спать не могла нормально, совершенно извелась!

«Так я тебе и поверила, лицемерная гримза!» — хочется выкрикнуть ей в лицо, но я смиренно выдыхаю.

— Я тоже переживала.

Судьбоносный разговор, когда я прямо спросила, планирует ли она забрать меня в семью. И ждала ответа, не дыша, даже сердце вроде перестало биться от волнения. И по ее удивлённой морде стало понятно: семья мне не светит.

И зачем только мозги мне морочила целый год?

В открытую она, конечно, никогда мне ничего не обещала, но при каждой встрече намекала, что недолго мне осталось прозябать в этих серых стенах. Стены, к слову, были бледно-голубые, когда-то, сейчас же некогда приятный цвет стал совсем блёклым, к тому же местами осыпалась побелка.

Финансирование у интерната так себе.

— Маша, — подала голос директриса. Хорошая тетка, душевная, правда внешне похожа на собаку породы бассет-хаунд.

Никогда не могла понять, сколько ей лет. Пятьдесят пять? Шестьдесят? Измученная, с вечными синяками под глазами, с сединой в волосах, но с неизменно ярким макияжем.

— Тут такое дело, Анжелика Сергеевна к тебе с хорошими новостями!

Перевожу взгляд на родственницу: чем порадуешь? А тётка прям приосанивается и выдаёт:

— Дорогая, собирай вещи! Ты едешь домой! — на последних словах тетушка аж взвизгивает.

Чего? Что за шутки? Эй, женщина, сегодня не первое апреля!

Анжела хватает меня за руки и трясет, видимо ждёт реакции.

Какой? Не верю! Не верю!

Она сама же мне недавно сказала, что мне ничего не светит в ее семье. Даже показушно разревелась, оправдываясь, что не может пойти против мужа, который не горит желанием видеть в своем доме бедную родственницу.

Что изменилось? Мужа, что ли, поменяла? Или мозги? Словно чувствуя мой ступор, Лидочка улыбается:

— Маш, документы будут готовы на днях, я очень за тебя рада! Надеюсь, у тебя все сложится в семье, но и нас не забывай, мы тебе всегда будем рады.

Совершенно неожиданно директриса подходит и обнимает меня. Впервые. За двенадцать лет.

Приплыли. Не зная, как реагировать, нелепо обнимаю её в ответ. Это правда? Я реально сваливаю отсюда? У меня теперь будет семья? Офигеть. Я буду свободным человеком! Смогу ходить куда хочу, есть что хочу, смогу нормально одеваться! А самое главное — я смогу найти сестру.

Глава 3. Маша

Сегодня день моего рождения, в пять двадцать пять утра мне исполнилось восемнадцать. Верится с трудом, что я наконец-то совершеннолетняя. И теперь сама себе хозяйка. И что у меня будет настоящий праздник.

С шарами, красивым платьем и авторским тортом. Конечно, моя днюха будет значительно скромнее, чем день рождения Кати, что был месяц назад. Не будет пенной вечеринки и диджея, корзин с цветами и фотозоны. Но я все равно безумно рада, что мой день рождения мы отпразднуем по-настоящему.

Сначала барбекю и фуршетный стол, а потом мы поедem в модный клуб. Катя мне все уши прожужжала, и я очень хочу там побывать. Жаль, что из гостей я мало кого знаю, будут Катины друзья.

Я хотела пригласить Зойку, и мы даже позвонили ей по видеосвязи, я познакомила сестру с подругой. Но Катя сказала, что не стоит приглашать Зою, она не впишется в тусовку и будет чувствовать себя некомфортно. А потом еще долго причитала по поводу немодных очков и веснушек подруги. И я согласилась, смалодушничала, конечно, но мне так хотелось нормального праздника, что удалось договориться с совестью.

Я в семье живу, и приходится считаться с мнением близких. Тёткин муж оказался нормальным мужиком, строгим, но без придури. Анжела оказалась равнодушной, заикленной на себе ледышкой. До меня ей дела не было. Её интересовала только родная дочь.

С Катей мы сразу сдружились. Хотя она ужасно избалованная, но по отношению ко мне все эти месяцы была добра и дружелюбна. Помогала адаптироваться и влиться в семью. Познакомила со своими друзьями, привела к своим мастерам: маникюр, педикюр, парикмахер. Теперь я знаю страшное слово «шугаринг».

Во мне сегодняшней не узнать прежнюю замухрышку. По крайней мере, так говорит Катя.

Расправив юбку на платье, усаживаюсь на кровать и аккуратно натягиваю чулки, сентябрь всё-таки. Поправляю голливудские кудри, с вечерним макияжем кажусь старше. Приглашенный визажист постарался на славу. Это был Катин подарок. Образ получился эффектным. Осторожно, чтобы не грохнуться с высоченной шпильки, кручусь вокруг себя. Серебристое платье чуть ниже колена с открытой спиной. Очень нежное. Сестра помогла мне его выбрать, а также туфли и вообще всё. Без нее я бы до следующего года планировала этот праздник.

Анжела с мужем самоустранились и улетели в Испанию на пару дней. «Переждать» мой праздник. Я им не очень близка, и это взаимно. Для меня до сих пор загадка, зачем они меня забрали. Хорошо, что есть сестра.

Вспоминаю, как она выбивала у своих родителей мои «права», с пеной у рта доказывая, что обязанностей мне и так хватило в интернате. Как бульдожьей хваткой выгрызла для меня деньги на карманные расходы. Помню, когда мы первый раз добрались до банкомата, у меня челюсть отвисла от увиденной суммы, а сестра цокнула языком и выдала:

— Ну что за жмоты? А еще дядя с тетей называются.

Такие вот родственнички. Удивительно, но почти у всех интернатовских есть близкая родня. Парадокс.

— Ты готова?

В комнату заглядывает Катя, она кажется такой миниатюрной рядом со мной, короткие розовые волосы делают её совсем девчонкой. На ней короткое розовое платье с пышной юбкой, не люблю этот цвет, но сестре идёт.

— Все уже подтянулись и ждут, мясо готово. Давай, пошли и, ради бога, хотя бы сегодня постарайся обойтись без этих своих словечек.

Я стараюсь говорить «чисто».

— Ради тебя — постараюсь, — заверяю сестру.

Катя довольно улыбается и тянет меня за руку вниз по лестнице, туда, где ждут мои гости, мой праздник. Да начнется веселье!

Весь первый этаж в золотых и белых шарах с поздравлениями. В высоких вазах по углам — красные розы. Немного вычурно, но вполне в Катином вкусе.

Выбегаем во двор, Катины друзья улюлюкают и поздравляют меня.

Со многими я знакома, кого-то знаю заочно. Надя — Катина подруга — целует меня, обнимает, сует в руки большую коробку с праздничным бантом. Следом парень с дредами — Кир, кажется — вручает мне серебристую коробочку и забавно шутит про возраст, все смеются.

Гости мелькают цветной веселой толпой. Улыбаюсь до ушей. Все такие красивые и стильные, пришли с настоящими подарками. Они копытятся на столе и то и дело притягивают мой взгляд. Очень хочется открыть все и сразу, но я не уверена, что это уместно.

Дожевываю бутерброд с икрой, шурюсь от удовольствия. Пища богов!

— Ты всё жуешь? Лопнешь скоро, — подходит сестра.

— Это шедеврально вкусно!

Сзади на нас налетает парочка, с визгом «Чи-и-из» делают с нами селфи, ловят следующих. Хохочут.

Смотрю на пьяный, танцующий народ: вроде всем весело. Особенно отчаянные полезли в бассейн. Похоже, кто-то явно перебрал с алкоголем.

— Так, они мне надоели! План такой: берем парней и едем в клуб! А эти пусть еще пошумят часик, охранник потом всех разгонит.

Мне кажется, это не очень вежливо — бросать гостей, но Катя уверяет меня, что это нормально. И она уже так делала.

Сестра манит пальцем парней, Артема и Толика, объявляет, что дальше мы едем в клуб. Танцевать и дегустировать коктейли.

Хмельные и счастливые, мы грузимся в такси и вот уже час гудим в «Перце».

Я оказалась «слабачкой». Так сказала Катя и младший Вебер. Меняхватило на «Дайкири», «Маргариту» и ещё какую-то голубую фигню с красивым «снегом» по канту бокала. Потом мир вокруг стал подозрительно вращаться и, осторожно переставляя ноги, я удалилась подышать на балкон.

Ночной холодный воздух сыпанул мурашек за пазуху, руки и ноги покрылись гусиной кожей, зато мозг заработал. С алкоголем я всегда была на «вы». В интернате с этим строго.

Вернувшись к дивану, понимаю: ребят нет. И сумки моей нет. И телефон в лифчик я не сунула, как авторитетно советовал старший Вебер.

Карточка тоже в сумке.

— Черт, черт, черт, что за попадалово?! — те самые словечки сами собой слетают с языка.

Куда делась сестра и Веберы? Не могли же они просто свалить, бросив меня одну? Или могли? Я и отсутствовала-то всего минут двадцать. Может, пересели?

Как назло, ни администратора, ни официанта. Надо спросить у кого-то, кто их видел. Если они пересаживались или ушли, кто-то ведь должен был их видеть? Веберы ржали так громко, что их сложно было не заметить, а пьяная Катя то и дело задирала подол платья, демонстрируя братьям новые татуировки на ляжках.

Вполне себе зрелище. Мало ли кого заинтересовало.

Осматриваюсь. В основном сидят компаниями, большими и преимущественно парни, такие уж точно не стали бы пялиться на гогочущих Веберов. За угловым столом сидят четверо, две девушки и два парня. Решительным шагом пробираюсь к ним. Один из парней встает из-за столика и идет мне навстречу.

Кудрявый, красивый, на купидона похож. На большого такого, подкачанного купидона. Весь в чёрном, футболка и джинсы, на загорелых руках витиеватые татуировки.

Никогда таких красивых не видела. Хотя кого я могла видеть в интернате? Расстояние между мной и божком стремительно сокращается. Успеваю только улыбнуться, как этот кучерявый вдруг с силой впечатывает меня в себя.

Это чё такое?

— Потанцуем? — улыбается качок.

От шока ни слова не могу проронить, пялюсь на него, а этот танцор диско берет мои руки и кладет себе на плечи, сжимает талию.

— Молчание — знак согласия, — подмигивает.

Играет медляк, мы плавно движемся по танцполу среди других пар.

— Неожиданно, эм, мне вообще не до танцев, я спросить хотела. Может, ты видел, куда пересели два парня и девушка из-за вон того стола?

— Не видел. Тебя как зовут, прекрасное виденье? — улыбается он, глядя на меня сверху вниз, на его щеках появляются ямочки.

Это так мило, что я невольно улыбаюсь в ответ.

— А тебя как?

— Кай.

— Серьезно? Это имя или прозвище?

— Хочешь, паспорт покажу? — играет бровями.

— Не надо, на слово поверю.

— А давай тогда ты будешь Герда? — выдыхает он. Чувствую запах алкоголя, но пахнет приятно.

Встречаемся взглядами. У купидона синие глазища и коровьи ресницы. Длиннющие, пушистые — хочется потрогать их кончиками пальцев. Льянные кудри удивительно вписываются в образ брутала, делая его естественнее. Мол, все мы идеальны, я вот кудрявый.

Улыбаюсь своим мыслям.

Кай тоже улыбается. Ну и имечко у него. Если не врёт, конечно. Хотя, ну конечно, он врёт. Ну какой он Кай? Антон, небось, или Валера.

Девчонки в интернате рассказывали, что в таких случаях представляются не своим именем, каждая вторая — Наталья. Почему-то среди наших это имя очень популярно.

— А я Наталья, — улыбаюсь в ответ.

— У-у-у, правда? Тебе не идет, буду звать тебя Герда. Ты красивая такая, нереальная просто, — шепчет мне на ухо лже-Кай и ведёт своим носом по моей щеке. Сильные руки наглаживают мою спину, иногда сползая чуть ниже. Качок ссутуливается, чтобы быть со мной наравне, и утыкается носом мне в шею.

— Мне нравится, как ты пахнешь, — хрипло шепчет, прихватывая кожу губами.

По телу разбегаются мурашки, покрываюсь гусиной кожей. Мне тоже нравится, как он пахнет, чем-то теплым и чуть горьковатым. Утыкаюсь носом ему в плечо, встаю на цыпочки, обнимаю за шею.

Сто лет не танцевала и не обнималась. Забыла, как это приятно. Кончиками пальцев щекочу затылок, купидон начинает целовать мою шею. Я точно чувствую его язык. И это перебор, надо тормознуть его, но мне нравится, и не хочется его отталкивать.

Кошмар, конечно: обжимаюсь посреди клуба на глазах у всех с незнакомым парнем.

Но с другой стороны, это ведь не совсем я, а лихая Наталья.

Так мы и танцуем. Медляк заканчивается, и за ним начинается следующий. А мы всё танцуем, и это так естественно, само собой получается.

Я помню, что мне надо найти сестру и Вэберов, но отчего-то больше не тороплюсь. Наверняка они где-то рядом, а если нет, то какой смысл дёргаться?

Танцуем мы минут пятнадцать, и когда очередная песня заканчивается, НеКай тянет меня за руку.

— Пойдём, — соблазняет меня ямочками.

— Что? Куда ты меня тянешь?

— Тут слишком шумно, поболтаем, выпьем.

Это неправильно — идти с ним. По-хорошему, надо попрощаться и найти сестру. Но вместо этого я послушно семеню рядом.

НеКай тянет меня мимо дивана с его компанией.

— Айс, ты куда? — кричит нам вслед его друг.

Качок заводит меня в комнату. Здесь значительно тише, полумрак. Мини-бар, стол, диван.

— Это что за место? — оборачиваюсь на щелчок закрываемой двери.

Парень медленно идет ко мне, обнимает, запускает руки в волосы, перебирает пряди.

— Это приват-кабинка, для тех, кто хочет немного тишины и уединения. У тебя шикарные волосы.

Уединения. Кровь наконец-то приливает к мозгам, и до меня доходит, что этот секси качок может оказаться маньяком. Извращенцем. Ну или просто парнем, рассчитывающим на быстрый секс. Не в шашки же играть мы сюда пришли. Он мне, конечно, понравился, но не настолько.

Между делом НеКай упирается лбом в мой и так смотрит, что мне становится не по себе. Я с ужасом понимаю, что не вижу его зрачков. Он под чем-то?

— Кай, мне кажется, я поторопилась с тобой уединиться, — шепчу, облизывая пересохшие губы, ну потому что страшновато.

— Угу, — соглашается НеКай и начинает меня целовать.

Я теряюсь, не понимаю, что надо делать.

Качок целует меня в подбородок, нос, уголок губ. Осторожно лизнув, пробирается мне в рот. Целует нежно, неуверенно, выпрашивая ответную ласку. То ли от шока, то ли от неожиданной нежности начинаю ему отвечать.

Я мало целовалась, и ни разу с таким красавчиком. Наши языки сплетаются. Мне нравится его вкус. Запускаю руки в его кудри. Подхватив под попу, НеКай усаживает меня на стол.

Прерывает поцелуй, шумно дышим, ошалело пялюсь на него.

— Это что сейчас было? — хриплю, еле ворочая языком.

— Сам не понял, повторим?

Вопрос риторический, потому что купидон оказался поцелуйным богом. И мы снова начинаем сосаться как ненормальные.

Мне так вкусно, что я сама вламываюсь языком к нему в рот. Он стонет, поощряя меня, кайфует. Я в таком шоке от этого поцелуя и вообще от всей ситуации, что буквально висну на нём.

НеКай так хорошо ощущается: большой, горячий, приятный на ощупь и обалденно пахнет. Ну и целуется, конечно, космически.

Поцелуй становится агрессивней, требовательней, а руки НеКая — наглее. Он раздвигает мои колени и устраивается между ними, поглаживает колени, бедра, руки ползут под юбку.

Все заходит слишком далеко.

— Какая ты отзывчивая. Просто бомба, хочу тебя, — шепчет мне в губы и снова целует.

Господи ты боже, он меня хочет! И я хочу, свожу бедра, понимаю, что ужасно мокрая. Никогда со мной такого не было. Так возбудиться от поцелуя, испытывать такие бешеные эмоции!..

Но я просто не понимаю, что дальше. Как это вообще возможно? С первым встречным в клубе?!

НеКай мучает платье, сильные руки жадно шарят по мне, пытаюсь отыскать молнию.

Стон срывается с моих губ, и он жадно ловит его, возвращая мне с поцелуем. Надо, уже прям надо, тормозить. Но я чувствую себя такой взрослой, красивой и желанной, что мне сносит башню. Еще пять минуточек, пообнимаемся, немного поцелуемся, и я сразу его оттолкну.

— Хочу, блять, хочу тебя, сожру сейчас, — хрипит он.

И пока я торможу, этот купидон берет разбег под двести двадцать. Только ойкаю, понимая, что он засосал меня в шею.

— Ты что делаешь? Ты засос мне поставил? — шокированно пялюсь на улыбающегося НеКая.

— Угу, занесло меня, да? Не злись, — утыкается в шею, зализывает синяк.

— Зачем? Ты нормальный? У меня платье открытое, видно будет! — пытаюсь отодвинуть его, но проще гору сдвинуть, наверное.

— Не буду больше, пока.

— Пока не будешь? Это как понимать? — возбуждение спало, и меня настиг праведный гнев.

— Понимай так, что я хочу тебя, Герда, — шипит херувим, обводя большим пальцем мои губы.

Отталкиваю его руку.

— Я Наталья!

— Ну да, а я Том Хэнкс! — усмехается.

Чувствую, как краска приливает к щекам, становится жарко. Он мне не поверил! Понял, что наврала, какой кошмар. Стыдоба. Надо сматываться скорее.

— Знаешь что, я, пожалуй, пойду! — спрыгиваю со стола.

НеКай ловит меня за локоть.

— Куда это ты собралась? Мы еще не закончили.

— Закончишь без меня! — дергаю руку, но качок держит крепко.

— Так не пойдет, Герда, — он хватает меня за талию и снова усаживает на стол.

Жадные губы и руки начинают мучить меня, снова сбивая с толку. Мое дыхание учащается, выдавая реакцию на него с головой.

— Мы закончили, отпусти меня!

Ну как его отпихнуть?

НеКай ловит мою руку и кладет себе на ширинку.

— А с этим, что делать будем?

У него эрекция! Еще и какая! Он огромный и очень твердый в моей руке. Что делать-то? Своими пальцами сжимает мою ладонь и стонет. Меня трясёт от адреналина и возбуждения. Адская смесь.

Пальцы сами собой проходятся по члену. Вот бы посмотреть на него без одежды. Я видела картинки, конечно, но живьем — никогда.

— Сильнее, Герда, сильнее, — шипит он и снова терзает мою шею.

Я следую его совету и сжимаю ладонь крепче, нащупываю головку, поглаживаю сквозь ткань. Качок прикусывает мочку уха и шепчет, что хочет со мной сделать. Наверное, я краснею, становится еще жарче. Его член приятно трогать, чувствую, как он становится больше и тверже.

Сдуваю прилипшую прядь с лица. Куда еще больше-то? Мы целуемся, и я дрочу едва знакомому парню в клубе. Вот такой день рождения. Еще один подарок от Вселенной? Мы с купидоном входим в единый ритм, я дрочу, он толкается бёдрами мне навстречу, дышит чаще и тяжелее.

Кажется, развязка близко. Я так увлекаюсь, что неожиданная резкая боль заставляет меня вскрикнуть, сильнее сжать член. НеКай шипит, видимо от боли, и я наконец-то соображаю убрать руку.

Хватаюсь за шею. Это что было?

— Ты меня укусил? — машинально закрываю шею руками.

— Бля, прости, увлекся, чёт меня заносит сегодня. Или дело в тебе,— скалится секси херувим.

Всё-таки маньяк. Ведь нормальный человек не будет так делать?

Мне не по себе, и хочется домой.

— Короче, на этом всё, мне пора, меня дома ждут! — объявляю НеКаю, понимая, что он не захочет так просто меня отпустить.

— Кто ждет? — хмурится.

— Муж, — иду ва-банк.

— Не гони. У тебя нет кольца.

— Мы студенты, откуда у нас деньги на кольца? Просто расписались, — вру как по маслу.

— Зачем со мной тогда пошла?

— Мы поссорились, захотела отомстить. Этот козёл мне с соседкой изменил.

Господи, что я несу?

— Ну так давай отомстим козлу? — взгляд НеКая тяжелеет.

Он подходит ближе, заставляя меня отступать. Упираюсь лопатками в стену. Зажал. Нависает и снова начинает меня лапать. Да, блин.

— Отпусти меня, не хочу я. Ты что, совсем отмороженный? — выворачиваюсь, но качок игнорирует мои протесты и снова тянет подол платья вверх.

Похоже, он твердо решил меня поиметь. И это уже совсем не смешно. Я, конечно, сама его спровоцировала, но от этого не легче.

Мне кажется, у меня аффект, а иначе я не знаю, как объяснить то, что качок согнулся и рычит от боли. Я что, его коленом прям туда?

— С-с-сука! — шипит он, спрятав пах в ладони.

Мечусь по комнате, не понимая, что делать дальше. Я не хотела, блин. Оно как-то само получилось. Машинально. Мне жаль, что так получилось! Но я очень опасаюсь ответочки. Бросив на купидона последний взгляд, выбегаю за дверь.

Несусь на улицу, вдыхаю прохладный воздух, покрываюсь мурашками. Кожанка тоже куда-то пропала. Холодно. Обнимаю себя руками.

Рядом с визгом останавливается машина такси, в ней пьяная Катя и Веберы ржут и наперебой рассказывают, что забыли про меня и уехали кутить с каким-то знакомым. Сажусь на заднее. Меня трясет от холода, адреналина и шока. Так быстро всё произошло от знакомства с НеКаем до практически первого сексуального опыта. Минут сорок прошло? А ещё про меня забыли в мой день рождения. Прекрасно. Добро пожаловать во взрослую жизнь!

Глава 4. Маша

— Что-то я волнуюсь, всё-таки это «СноуГрупп»! Понимаешь? Одна из крупнейших строительных компаний города. Я с первого курса хотела попасть к ним на стажировку, и вот только к третьему крестный договорился! — трещит Катя, обновляя помаду.

Мы уже минут пятнадцать как оккупировали женский туалет, сестра хочет выглядеть безупречно. У неё хоть три курса, а у меня только школа за плечами и проваленные вступительные, и я тоже очень волнуюсь. Но сказать об этом совершенно нет никакой возможности. Стоит мне открыть рот, как Катя продолжает:

— У них начальник рекламного отдела такой секси, я тебе про него как-то рассказывала. Увлекается боксом, та-а-а-акой загадочный. Красавчик, но без постоянных отношений, вечно случайные подружки, иногда светится в прессе. Он, кстати, сын генерального. Короче, золотой мальчик и такой, что у меня на него стоит! — плотоядно облизывается сестра.

Да на кого у тебя не стоит?

— Катя, ради бога! Пошли, нехорошо опаздывать в первый день!

— Ладно, уже идём.

Поднимаемся на лифте на пятнадцатый, прозрачная кабина не внушает мне доверия. Вцепляюсь в перила, боюсь высоты, сестра закатывает глаза и цокает.

Улыбчивая секретарша провожает нас в конференц-зал.

— Иван Васильевич, тут стажёрки подошли, а Кая Алексеевича ещё нет.

— Всё нормально, Лен. Спасибо. Он немного задержится, мы начнем планёрку без него.

Лена выходит, и все пялятся на нас. Дядьки и тётки какие-то.

— Здравствуйте, девушки-красавицы, проходите, присаживайтесь, — улыбается симпатичный блондин.

Прямо как с обложки журнала. Стильно стриженный, с модной бородой.

— Здравствуйте, — пишу я.

— Здравствуйте, а вы Иван, да? Я Екатерина Сафонова, а это Маша.

— Приятно познакомиться! — отвечают нам хором.

Катя занимает место рядом с блондином, я сажусь спиной к выходу, ближе к двери. Очень хочется сбежать. Все такие взрослые и лощёные. Я знаю, что точно соответствую: белая рубашка, черная юбка-карандаш, классические лодочки. Волосы убраны в косу, сдержанный макияж. Но всё равно чувствую себя ужасно некомфортно, самозванкой. Зато Катя со своими розовыми волосами, татуировками и глубоким декольте как рыба в воде.

Ребята по очереди представляются, но я так нервничаю, что совершенно не запоминаю имён. Только блондина, секретарша вроде назвала его Иваном. Но это не точно.

Катя о чем-то весело с ним болтает. Немного выдыхаю, рассматриваю народ, на нервах мне показалось, что они все чуть ли не вдвое старше, на самом деле все молодые и вроде дружелюбные.

— ...да, я знаком с вашим отцом. В прошлом году он заказывал нам крупную рекламную кампанию, компьютеры, кажется?

До меня доносится разговор сестры и блондина, волнуюсь и никак не могу перестать глупо улыбаться и постараться наладить контакт. А мне ещё с этими людьми работать, если нас возьмут, конечно.

— Выдыхай, мы не кусаемся, — шепчет мне соседка слева, девчонка восточной внешности, похожа на принцессу Жасмин из «Аладдина». Очень красивая, тоже с глубоким вырезом и шикарной грудью. Вот в чём секрет успеха и уверенности? В декольте?

— Хочешь конфетку?

Запускает в мою сторону леденец. Ловлю. Фруктовый, люблю такие.

— Спасибо! — вымученно улыбаюсь. — Я просто не выпалась, поэтому подвисяю.

— Оу, бурная ночь? — играет бровями.

Даже чересчур.

— День рождения отмечала, — лучше бы не отмечала, честное слово.

Всю ночь ворочалась и не могла нормально спать, мне снился купидон из клуба.

— О-о-о, поздравляю! Лови ещё две! — улыбается принцесса Жасмин.

Три конфеты и один новый почти друг. Может, всё не так и плохо?

Так я думаю ровно до тех пор, пока за моей спиной не открывается дверь.

— Всем привет! Простите за опоздание, проспал. Дружеский совет: не ходите в клуб, если вам утром на работу, — произносит знакомый голос.

Девчонки хихикают, Иван и ещё какой-то парень протягивают руки и здороваются с вошедшим. Он шагает вперёд и останавливается чуть впереди меня.

Я боюсь поднять голову, потому что уже понимаю, кого увижу.

От ужаса у меня мурашки размером со слона по всему телу. И ноги словно приросли к полу.

— Кай, ты как раз вовремя, мы еще ничего не обсуждали. Только познакомились с новенькими. У нас две стажёрки, Екатерина и Мария. Девчонки, знакомьтесь, наш руководитель — Кай Алексеевич.

— Я Катя, приятно познакомиться, Кай Алексеевич, — сестра скалится так, что мне кажется, её вины сейчас выпадут.

— Можно просто Кай, — улыбается накачанный херувим.

Господи! Это он, вчерашний маньяк из клуба! Из-за него я всю ночь не спала и надела рубашку до самого подбородка, чтобы спрятать засос и укус.

И к нему я пришла на стажировку?! Это провал.

— А это Мария, — милый блондин указывает в мою сторону.

Я вжимаю голову в плечи, но синие глаза безошибочно меня находят.

— Кай, — его голос хрипнет, а лицо вытягивается.

Значит, имя настоящее сказал.

Тяжелый подбородок нервно дёргается, ноздри тянут воздух. Бешеный и красивый. И зачем я его ударила вчера? А зачем он меня укусил?

— Очень приятно, — шепчу, хотя мне вот вообще не приятно, нащупываю ручку сумки, готовая стартовать из кабинета в любой момент.

Что-то мне подсказывает, что не сработаемся. И это будет самая короткая карьера в моей жизни.

— А мне-то как приятно, — накачанное начальство упорно сверлит меня колючим взглядом и плотоядно улыбается.

Сегодня он в строгом костюме. И кажется ещё внушительнее и суровее.

— Кай, всё нормально? — хмурится Иван, какой он всё-таки душка.

— Да, конечно.

Кай Алексеевич садится рядом со мной.

— Ну что, начнём? Иван, сначала ты, давай статистику по прошлой неделе, в цифрах.

Иван берет папку, листает, что-то рассказывает, рисует диаграмму.

Вчерашний маньяк Ромео и по совместительству мой потенциальный начальник внимательно слушает, делает пометки в ежедневнике.

Доклад блондина длится минут семь. Видимо, всё нормально, потому что по завершении Кай его благодарит и показывает большой палец вверх. После блондина встаёт принцесса Жасмин, что-то рассказывает. Как я ни пытаюсь понять, о чём речь, для меня это просто набор слов.

— Спасибо, Анита. Ещё момент. Как решили вопрос с Прохоровым? Он мне лично звонил, недоволен проделанной работой. У него там замечаний целый список.

— Да, мы учли все замечания, оперативно переиграли концепцию рекламной кампании. Предложили скидку пятнадцать процентов на текущий заказ и последующий, теперь с ним работаю персонально я.

— Результат? — интересуется качок.

— Он со всем согласился. Новая концепция его устроила. Лоялен, — лучезарно улыбается Анита.

— Умница.

Анита краснеет и садится. Дальше говорит кто-то ещё. Кай всем задает вопросы, ругает, хвалит. Я сижу ни жива ни мертва. На языке так и крутится вопрос: качок нравится Аните? Ну, просто она так покраснела.

И Катя с него глаз не сводит, облизывается, как кошка. Фу. Мне неприятно. Дело её, конечно, но как можно, не зная человека, так залипнуть? Если бы она знала про вчерашний инцидент, так же бы на него облизывалась?

Нет, он красивый, конечно, высокий, накачанный, кудрявый. И ямочки на щеках, когда улыбается. Но не это ведь главное в мужчине? Наверное.

Но целуется он крышесносно. У меня, конечно, мало опыта, но мне понравилось. На мгновение улетаю во вчерашние обнимашки, пока он ещё не начал жестить.

Руки у него такие сильные, горячие. И как он шептал мне всякие нежности и непристойности!

— Кхм, — прокашливаюсь, аж в горле пересохло.

— Воды? — качок прищуривается и, не дожидаясь ответа, протягивает мне бутылку «Боржоми».

Буржуи.

— Спасибо, — беру бутылку, но качок не отдает, его пальцы касаются моих.

Ещё немного, и между нами начнёт искрить. Мы, как два неадеквата, пялимся на эту бутылку и наши руки. Его большой палец случайно задевает мой безымянный. Словно намекая на вчерашнее враньё про мужа.

Наконец-то забираю воду, жадно отпиваю несколько глотков. Мне кажется, все смотрят на нас и догадываются, что это не первая наша встреча.

— Пожалуйста, Ма-ша, — нарочито выделяет он моё имя.

Ну, блин! Да, я не Наталья. В интернате девчонки так делали: каждая вторая была замужем и Натальей. А меня вчера так скрутило от страха и возбуждения, что я использовала все легенды сразу.

Мы сидим в общей сложности час, и мне кажется, что эта планёрка никогда не кончится.

Надо придумать, как объяснить Кате, почему меня вытурят сразу, без испытательного. Не хочу говорить правду. Может, сказать, что я сама передумала? Ага, так она и поверит. Как будто у меня миллион вариантов, куда идти работать. Без образования, опыта и связей. На самом деле этот — единственный.

— Так, теперь по стажёркам. Екатерина, насколько я знаю из вашей анкеты, — качок быстро пробегает глазами листок, — вы же учитесь как раз на рекламе?

— Да, третий курс, — хвастается Катя.

— Прекрасно, у нас сейчас как раз не хватает человека на крупный международный заказ. Японская компания, долгосрочный проект. У вас прекрасное знание английского, образование и уже есть опыт. Думаю, именно в этом проекте вы сможете проявить себя. Вас заберёт Анита после планёрки, всё расскажет, введёт в курс дела. Трудиться будете в левом крыле, там такие масштабы — выделено отдельное крыло. Марию курирует Ростов. Вопросы?

Вопросов нет, и все встают со своих мест, смеются и переговариваются, выстраивается очередь к кофемашине. И к качку. Катя с Анитой трещат наперегонки, он стоит и болтает с ними, улыбается.

Всё понятно. У Кати образование и знание английского — международный проект. Похоже, качок решил меня не выгонять, ну или устроить разборки, а потом с позором выгнать. Разборок не хотелось бы.

Тяжело вздыхаю. Меня курирует Ростов. Кто это вообще?

Сижу как дура, не знаю, куда себя деть.

— Ростов, это я, если что, — улыбается блондин и суёт мне стакан с кофе.

Ну, слава богу, хоть в чём-то повезло.

По дороге в отдел Иван болтает без умолку, стараясь меня подбодрить.

— Не переживай, всё расскажу, всему научу! Да и должность у тебя — принеси-подай, ничего сложного. У меня для новеньких всегда две рекомендации: постарайся не тупить и не бесить Кая — и будет тебе счастье.

Блин, где ж ты раньше был?

— Я буду очень-очень стараться.

Глава 5. Кай

Соколова меня бесит, от слова «совсем». Ужасно бесячая. Меня злит, что она за неделю влилась в коллектив так, как будто уже лет пять тут работает. По-дружески болтает с парнями, с девчонками чаи гоняет. Довольная и всем улыбается. Всем, кроме меня.

Я сам не понял, зачем вообще взял её в команду? Вчерашняя школьница — такое себе удовольствие. Ноль опыта, зато энтузиазма и дури хоть отбавляй.

Сначала, как увидел её на планерке, охуел не по-детски, а потом даже азарт взял. Думал, вот сейчас её бомбанёт и она начнет отношения выяснять — всё, чего я так не люблю. Тут мы и попрощаемся.

А она даже не смотрит в мою сторону! А если смотрит, такой лёд в глазах, можно порезаться.

«Здравствуйте» и «до свидания». И всё на этом.

За эти дни я засыпал её тупыми поручениями. Ждал, что сорвётся, психанёт, нахамит — и выкину её к херам.

Пыхтит, злится, но выполняет. Терпеливая, значит. Упёртая не меньше меня.

Нет у неё никакого мужа, я узнал в отделе кадров. Маленькая лгунья. Парня даже нет, сестра её уже всем растрепала.

Вчерашняя школьница из интерната. Очень странно, учитывая, что семья её тётки довольно богата. Но выросла Маша в интернате.

Ей восемнадцать недавно исполнилось, обычная девчонка, решила поиграть в роковую. Там, в клубе, с ярким макияжем и в открытом платье, она казалась старше.

Впервые за много лет мне вроде как стыдно. Зачем? Нет, не так — какого хуя, Кай Алексеевич?

А ведь всё так хорошо начиналось. Танец, обнимашки, поцелуи. И на тебе — засос и укус.

Просто рукалицо. Как она меня назвала? Отмороженный? И теперь даже я с ней согласен. До сих пор не понимаю, что это, блять, было.

Можно, конечно, всё свалить на коктейль с допингом, но я, к своему ужасу, понимал, что делаю. И засос этот поставил почти осознанно. Нет, я был сильно навеселе, но в вполне себе в рабочей кондиции.

Так что и засос на нежной шее, и укус — на моей совести.

И весь треш в том, что я не раскаиваюсь. Внутри живет тупая уверенность, что я имел право так себя вести. И повторись наша встреча, очень может быть, что всё случилось бы точно так же. И дело не в коктейле с допингом, что я выпил по ошибке. Будь неладен Макс со своими вечными экспериментами.

И это вот ну очень сбивает с толку.

Когда увидел её в зале клуба, аж задохнулся сначала, нереально красивая, и сама шла ко мне и улыбалась. А я пялился на неё во все глаза и дышал через раз. А потом понял, что не только я, все мужики плотоядно следили за каждым её шагом. Я заметил, что даже Макс привстал с дивана.

На хер, она ко мне шла.

А потом какой-то хмырь у неё за спиной присвистнул и облизнулся.

Сука. У меня аж уши заложило.

Полгода терапии коту под хвост. Ебанный ты стыд. Вот так просто, из-за незнакомой девахи со смазливym личиком и длинными ногами.

—Ты облажался, Снежинский, — рычу от злости на самого себя, повело, как подростка, зубы скрипят от желания.

Только желания чего? Поиметь или поставить на место? Меня бесит, что Соколова усиленно делает вид, будто в клубе между нами ничего не было.

Потому что было, и то, что было, мне зашло.

До сих пор интересно: надави я тогда сильнее, случился бы у нас секс? Или она бы мне ещё раз врезала? Сучка.

А теперь ещё и глаза мозолит. Стажёрка, твою мать.

Прям чувствую, как начинаю недолюбливать пятницы, хотя раньше день, свободный от дресс-кода, меня забавлял. Кто-то мог прийти в офис в пижаме и в тапочках, все ржали и делали селфи.

И теперь эта козища бегают в крошечной клетчатой юбке, на своих ногах, они реально бесконечные. Хотя ростом она мелкая в сравнении со мной.

И нос воротит. Зараза.

Сосредоточиться не получается совсем, весь день тупо создаю видимость рабочего процесса, перекладывая бумажки на столе, на почте завал. Секретаршу отпустил, даже не вникая, что она мне вещала, отпрашиваясь. На звонки отвечаю механически, ничего не пойму, будто все резко заговорили со мной на китайском.

Слюни распустил, как телок. Я вообще не очень по чувствам.

Не зря же прозвали Айсбергом. А тут все наши горячие картинки как на репите перед глазами.

Тру переносицу. Свали уже, блять, из моей головы. На часах начало седьмого, офис затих. Все давно разошлись по домам, надо хотя бы попытаться переключиться и запустить мозг.

Самое простое — это почта, с неё и начнём. Только нужна убойная доза кофеина.

Уже тянусь к телефону, как вспоминаю, что Леночка свалила ещё в начале дня. Придётся самому себе кофе делать. Пять минут прошарившись в её владениях, начинаю закипать: кофе по-прежнему не найден.

Сегодня определенно не мой день, тащусь в общую комнату приёма пищи. Редко тут бываю, но точно помню, что на столе стоит кофемашина, значит, и кофе должен быть.

В коридоре, как и в офисе, тихо, благодать, отдалённо слышен пылесос: уборщицы вовсю трудятся.

Открываю дверь и замираю.

Это мираж или что? Полуголая Соколова взвизгивает и пытается прикрыться. Осторожно и очень плотно закрываю дверь, щелкнув замком.

Ну, мало ли. А вдруг?

Глава 6. Маша

Рабочий день закончен у всех, кроме меня. Говно-босс надавал столько бессмысленных поручений, что за день я практически ничего не успела. Будь он девушкой, я решила бы, что у него ПМС.

— Маша, папки в обратном порядке расставь.

— Мария, дырокол не того размера взяла. Переделай.

— А почему скоросшиватель синий? Красный бы лучше смотрелся.

Но так как он начальник, это не придирки, а ценные замечания. Улыбаемся и переделываем. Даже у Ивана глаза на лоб лезут от такой инициативы. И не лень ему меня терроризировать.

Наверное, дела всё-таки шли бы быстрее, если бы Катя не таскала меня с собой в курилку. Сплетничать и выведать информацию про Снежинского.

Настойчивости моей сестры могли бы позавидовать секретные спецслужбы, вот уж кто всегда добивается, чего хочет. И сейчас Катя хочет сына босса, и не только она. Мне кажется, в рабочий чат стоит добавить теги «настоящий самец» и «я б ему дала», как шепчутся о Снежинском, а не это скучное «Кай Алексеевич».

Вообще, меня бесит, что офисные кумушки так открыто вздыхают по руководству. В том же чате, обращаясь к нему, ставят смайлики и сердечки. Нормально? Интересно, это может сойти за сексуал харассмент? Почему-то по отношению к другим он не такой «заботливый». Мне-то с чего так повезло? Заткнись, Маша, и переделывай. Нефиг было изображать из себя Кунг-фу панду в клубе.

Поэтому этим вечером я всё ещё разгребаю поручения руководства.

Есть хочется ужасно, живот урчит уже час. Но есть нечего, все печеньки и сушки я смолотила сразу, как только осталась одна, и поэтому сейчас решаю заправиться сладким чаем. Беру свою старенькую кружку, когда то давно подаренную мне на день рождения ещё в интернате. Белая керамика с изображением луны и отчаянно цепляющимся за неё котом, с надписью: «Никогда не сдавайся!»

В столовой тихо. Ещё бы, у всех нормальных людей рабочий день уже закончен. Щелкаю чайник, беру пакетик зеленого чая и два куска рафинада.

Заливаю кипятком в кружку, чай с земляникой, пахнет обалденно. С удовольствием вдыхаю приятный аромат, как вдруг раздаётся треск и в моей ладони остаётся только ручка. Ору больше от неожиданности, а не от боли. В основном чай пролился на пол, но на рубашку тоже прилично попало. Мокрая ткань быстро липнет к коже и начинает жечь.

Нет, только не это. Быстро сдергиваю рубашку через голову, лифчик тоже мокрый и горячий. Становится неприятно, но снять и его не решаюсь. И тут открывается дверь и появляется «настоящий самец».

От неожиданности вскрикиваю и отворачиваюсь, зачем-то пытаюсь влезть в мокрую одежду.

Как вовремя. У него, по ходу, нюх на обнажёнку. Путаюсь в рукавах и застреваю. Так и замираю с задранными руками, спрятанной в ткани головой и голой спиной.

Просто бинго. Слышу, как он медленно подходит со спины и кладёт руки мне на талию.

— Только попробуйте ещё раз меня укусить! — предупреждаю как можно суровей, договаривать не успеваю, потому что Кай тянет рубашку вверх и неприятно задевает пуговицами по губам.

Комкает мокрую ткань. Смеясь, спрашивает:

— Это что, бонус за переработку?

Вырываю вещь из его рук, стараюсь прикрыться.

— Очень остроумно, у меня кружка лопнула, обожглась немного, — замолкаю, потому что этот ненормальный подлетает ко мне и, отшвырнув рубашку, начинает ощупывать меня.

— Эй! Руки убери... те! — в последний момент вспоминаю, что передо мной всё-таки начальство.

Снежинский недовольно поджимает губы.

— Я просто помочь хотел!

— Не надо! Спасибо, конечно, но руками меня трогать не надо!

Опасаясь я его помощи после клуба.

— Что, так и будешь стоять тут? Ты реально собралась надеть мокрую одежду? Осень на дворе.

— Я сейчас позвоню, и меня заберут. До дома как-нибудь доберусь.

— Кто заберет? Сестра? — хмурится.

— Нет, не сестра. Есть кому, не переживайте, — скрещиваю руки на груди.

Прохладно. Кожа идёт мурашками, да и вообще, стыдно так стоять полуголой.

Да свали ты уже!

Вдруг эта гора мышц приходит в движение, быстро отходит к двери, замирает, возвращается.

Что он мечется?

Стаскивает с себя толстовку и натягивает на меня.

Я даже «кыш» не успеваю сказать.

— Потом вернёшь! — шипит на меня и уходит.

Толстовка огромная, я в ней просто «утонула». Нюхаю ткань: пахнет вкусно, чем-то дерзким и в то же время знакомым.

Мозг сам рисует идеальную картинку.

Утро, спальня залита светом, за окном пушистый снег, на окнах зимние узоры. В кровати двое, она лениво потягивается, а он тут же сгребает её в объятия и утыкается носом в затылок.

И как вот этим можно пахнуть? Дурдом. Завтра же верну толстовку.

Хотя нет, завтра суббота, в понедельник верну, или никогда. Вообще возьму и выброшу. Меня начинает колотить. Нервы совсем разошлись. Он же меня травил всю неделю, всё не то и не так ему было, постоянно недоволен и хмур.

Иди, Маша, туда — не знаю куда, принеси мне черевички, как у царицы, да цветочек аленький. Я даже Ивану пожаловалась — тот только руками развёл. Мол, сама понимаешь, сын босса.

Чая все ещё хочется, но домой — сильнее.

— И чего, спрашивается, тиранил меня всю неделю? Отстал бы уже, — обречённо вздыхаю. — Или хоть поцеловал бы.

Глава 7. Маша

Нерешительно замираю перед дверью говно-босса. Прислоняюсь лбом.

Ну, чего тянуть-то? Надо идти сдаваться, раз решила.

Вчера мы снова полночи переписывались, потому что у меня еще была надежда договориться и решить вопрос иначе. Две недели тирании и откровенных придирок, глупых поручений и вечных замечаний. И вывод неутешительный: Снежинский мстит мне за отбитые яйца. Прилетела ответочка.

Уже после первых дней стажировки мне очень хотелось уволиться.

Но в доме у Сафоновых начались разговоры на тему:

— Маша, ты уже совсем взрослая, работаешь, а значит, сама себя можешь содержать.

Отец Кати за ужином сказал, что отменяет моё ежемесячное содержание, и намекнул, что, как только я получу квартиру, надо бы съехать.

Было очень неприятно, хоть и ожидаемо, учитывая, что никакой привязанности между нами не случилось. А Катя молча ела салат, даже слова не сказала. Она ведь тоже зарабатывает, но ей дотации не отменили.

А потом еще эсэмэска пришла с авансом. И я чуть соком не захлебнулась от увиденной суммы. Думала, какая-то ошибка, утром позвонила в бухгалтерию.

Всё верно. Просто у меня очень хорошая зарплата. И перспектива оказаться на улице. А если ещё и без денег, то совсем страшно.

Глупо делать вид, будто я не понимаю, чего Кай от меня хочет. Он хочет закончить то, на чём мы остановились в клубе.

Уязвленное самолюбие? Да какая мне разница. Я просто не хочу потерять эту работу. Мне уже и так не раз намекнули, что я блатная, еще и косячу. Блин, это первая работа. Я научусь всему, если меня, конечно, не вышибут.

Стучу. Толкнув дверь, захожу в кабинет.

Кай говорит по телефону, смеется. Заметил меня, но все равно продолжает разговор. И по обрывкам фраз я понимаю, что его собеседница — девушка.

У меня начинают гореть щеки, топчусь на месте, не зная, что делать дальше.

— С меня ужин. Да, ладно, я сам тебя позже наберу, — отбивает звонок.

— Привет, — прокашливаюсь.

— Привет, каратистка.

Это никогда не кончится. Я уже извинилась сто раз, но ему этого мало.

— Я могу извиниться еще раз. Но тебе ведь не это нужно?

Устав от вечных придирок и замечаний, я начала огрызаться, и между нами стали случаться перепалки, в которых мы незаметно перешли на «ты». Когда мы спорили в последний раз, Иван надел 3D-очки, достал попкорн и попросил остальных заткнуться.

Я заткнулась первая, как только до меня дошло, что весь отдел с интересом следит за нашими разборками. Стояла красная как рак от стыда, а Кай отобрал попкорн у Ростова со словами:

— В следующий раз купи сладкий! — и свалил к себе в кабинет.

Мне хотелось сквозь землю провалиться, а он шёл и ел попкорн!

Я злюсь, и это очевидно, но Айсберга это не трогает. Иван рассказал, что это прозвище к нему приклеилось еще в подростковом возрасте, тренер по боксу так прозвал. Вот уж действительно ледяная глыба, ничем его не пронять.

— Нет, не это, — Снежинский крутит в руках ручку, слегка покачиваясь в кресле.

— Мы оба понимаем, что наше знакомство началось неудачно. И этого не исправить. И то, что ты оказался моим боссом, меня тоже не радует. Но мне нравится в компании, и мне очень нужна эта работа.

Я максимально честна. Пожалуйста, услышь меня.

— Это я уже понял, иначе ты бы уже давно сбежала, — усмехается. — Не каждая выдержит такую стажировку.

Сверлим друг друга взглядами.

— Ты блатная, без образования, без опыта и косячишь. На той неделе не на ту почту отправила прайс, а когда и без того проблемный Прохоров наконец-то к нам дозвонился, ты ему нахамила. Это чуть не стоило мне контракта.

Да блин, я и так была как лошадь в мыле от твоих же тупых поручений и вечных претензий, расстроенная этой историей с почтой. И этот Прохоров так не вовремя позвонил. Зачем я вообще взяла трубку? Потому что Леночка рыдала в туалете после очередного расставания с парнем.

— Всё так, и я правда сожалею, но я исправлюсь, и буду очень стараться! — складываю руки в молящем жесте.

Давай, поверь мне, говнюк.

— Этого мало, Маша. Что ещё ты можешь мне предложить? — щурится качок, азартно прикусив губу.

Не прокатило. Он и сам понимает: нет у меня ничего. Кроме меня.

— Секс? Ты этого хочешь? — хриплю убито.

Не договорились. Придется продаться. Возможно, это не такая уж высокая цена за шанс найти сестру.

— Хочу. По-моему, еще в клубе это было очевидно. Я парень настойчивый и изобретательный, — хмыкает он, подмигнув мне.

Это он намекнул, что сделает мою жизнь еще «веселее»? Тогда меня точно вышибут. Зажмуриваюсь, мысленно стараюсь договориться с внутренним ребенком.

Зарёванная девочка внутри топает ногами и орет, что это нечестно. Но в моей жизни вообще было мало справедливости. Начиная с того, что родная мать отвезла нас с сестрой в детский дом. Она любила нас, я это точно помню, значит, была причина. И я её выясню, но для этого мне нужны деньги, много денег.

— Я согласна, но у меня есть условие. Это будет один раз, плюс ты гарантируешь мне успешное прохождение стажировки и премию, равную зарплате на ближайшие три месяца.

Если мне придется переехать, у меня должна быть подушка безопасности.

— Согласен. Но у меня тоже условие: мы сделаем это прямо сейчас.

Кай встаёт с кресла, что-то быстро пишет на цветных стикерах и лепит на монитор компьютера.

Когда мы подъезжаем к какому-то пригородному отелю, я понимаю, что погорячилась. Очень. Мне страшно.

Я никогда особо не цеплялась за свою девственность, есть и есть, но всегда думала, что мой первый раз будет с парнем, который мне будет нравиться. А не бесить. И почему у меня всё через жопу?

— Не передумала?

— А ты?

«Пожалуйста, пожалуйста, скажи, что это просто тупой развод, что мой прогиб засчитан и на этом всё».

Мне так нужна эта работа, ну нигде больше мне не будут столько платить! А я уже и детектива нашла, но он стоит столько, что мне придется продать почку только ему на аванс и вторую, чтобы с ним рассчитаться.

— Пошли, — он выходит первый, хлопает дверью.

Пока нас оформляют, усердно рассматриваю пол. Белая плитка в чёрный ромбик. Меня мутит от такого количества углов.

Боже, как стыдно.

Наверняка эта тётка-администратор прекрасно понимает, зачем мы сюда приехали. Смотрит осуждающе.

Почему отель? Я точно знаю, что у Снежинского есть своя квартира и живёт он один. Почему нельзя было поехать туда? Наверняка там было бы комфортнее, спокойнее, чем здесь. Мне уж точно. Но нет, надо было притащить меня сюда, неизвестно кто и чем тут занимался.

Кому я вру? Конечно, известно чем, а я не хочу! Что ж ты такая сволочь неуступчивая?

— Тридцать восьмой номер, — зачем-то сообщает Кай.

Как только двери лифта закрываются, я забиваюсь в угол кабины и, сложив руки на груди, залипаю в пол.

— Слушай, я понимаю, что тут не пять звёзд, — начинает говно-босс.

— По фигу! — обрываю его и нетерпеливо стучу каблуком. Быстрее бы всё закончить и свалить, как же тут неуютно.

Снежинский находит номер, пропускает меня вперёд. Джентльмен херов.

Вычурная лепнина на потолке, золотые обои, тяжелые горчичные шторы. На бордель смахивает. Плазма на стене, мини-бар. Огромная кровать.

Мне здесь не нравится.

— Чудный номер, просто мечта, — сарказм — наше всё.

Говно-босс равнодушно пожимает плечами.

— Сама сказала, что пофиг. Пить что-нибудь будем? Или сразу к делу перейдём?

Понятно, что мы не влюблённая парочка и у нас не свидание. Но зачем нагнетать? Он ведь специально ведёт себя как мудака.

— Не терпится? Ты же вроде главный мачо? Из желающих, небось, очередь? — разубаиваюсь, снимаю кожанку, прохожу к окну.

А вид ничего. То ли роцца, то ли лес. Осенняя листва оранжевыми и бордовыми всполохами разбавляет густую зеленую полосу.

— Только я вот каким чудом в неё попала? Не припомню, чтобы я покупала билет на этот аттракцион.

Шепчу себе под нос, но у качка прекрасный слух.

— Считай, что у тебя VIP-ложа и полный безлимит.

Снежинский шуршит верхней одеждой и медленно подходит со спины. Чувствую горячее дыхание на затылке. Носом он утыкается в мои волосы, тяжёлые ладони по-хозяйски ложатся мне на бёдра.

Мамочки. Что, прям вот так сразу? Не могу, да и не хочу я. Шумно сглатываю. Надо потянуть время.

А вдруг он передумает? Вот увидит мои трусы в горошек и сразу расхочет. Чувствую, как Кай аккуратно берет за низ рубашки и вытаскивает ее из брюк. Мертвой хваткой вцепляюсь в подоконник и с ужасом вспоминаю, что на мне не «горошек» сегодня, а черные кружевные трусы. И такой же бюстик. Новый комплект. И вполне себе сексуальный. Ну почему я надела его именно сегодня?

Кай подумает, что я готовилась. Как унижительно. Обреченно стучаюсь лбом в стекло, получается громко и больновато.

— Осторожно, ты мне ещё нужна, — усмехается Кай и поднимает мои руки. Стягивая рубашку через голову, бросает вещь на пол.

Подушечками пальцев аккуратно касается шрама на спине, разворачивает меня к себе.

Смотрит пристально, взгляд медленно скользит от лица по шее и ниже. От этого меня начинает потряхивать. Черт, мне правда страшно. Он такой огромный. Вдруг он меня раздавит? Видимо, паника и растерянность слишком явно отражаются на моем лице.

— Расслабься, — Снежинский рукой ныряет мне в волосы, скользит по шее и большим пальцем поглаживает мои губы.

Долго. Очень.

— Мы целуемся?

Чего? Что это за вопрос вообще? Я стою перед ним полуголая, а его интересует черт-те что! Хотя это мне сейчас страшно, ему-то не привыкать.

— Угу, в смысле нет, вообще-то, — замолкаю, не могу подобрать слова.

— Хочу целоваться.

— Оу, ясно-понятно, это вообще многое объясняет. — Зачем я пытаюсь разрядить обстановку?

Всё плохо. Точка.

Кай берет в ладони моё лицо и трётся носом о мой. А вот эти ванильки уже ни к чему. А то еще забуду, не дай бог, какой он мудак!

— И чтоб ты не кусалась.

— Мечтать не вредно, — убираю ладонь от своего лица и обхожу Кая. — И вообще, я согласилась трахаться, а не целоваться.

Кай тут же хватается за петличку брюк и тянет на себя. Мягко, но настойчиво прижимает к своей груди, носом утыкаюсь ему в шею. Он горячий и хорошо пахнет.

Трется носом о мою макушку.

— Так мы договорились? Не кусаемся?

— Да иди ты! — поднимаю на него глаза и снова собираюсь съязвить. — Ты вообще...

Он меня целует. Спрятав моё лицо в ладонях. Губы такие умелые, язык настойчиво пробирается мне в рот, наталкиваясь на зубы и требуя впустить.

На вкус он мятный. Вкусный. Очень. Да по фигу уже. Запускаю руки в льняные кудри и тяну на себя. Кай послушно наклоняется, и мы теперь почти одного роста, и неважно, что я стою на носочках.

Целуемся. Снежинский довольно урчит. У меня не так много опыта, но я вкладываю в наш поцелуй все эмоции, что меня терзают: злость, растерянность, смущение.

Кай прерывает поцелуй, тяжело дышит, упирается лбом в мой, опускает взгляд мне на брюки.

Одной рукой ловко расстёгивает пуговицу, другой — медленно тянет за молнию. Чёрт, похоже, шутки закончились. Перехватываю его руки, и что? Как будто его это остановит. Крупные ладони по-хозяйски мнут мою задницу, губы невесомо скользят по шее и ключице.

Меня трясет, страшно, надо чем-то занять руки. Хватаюсь за низ толстовки и тяну через голову, следом летит его футболка. Пялюсь на идеальный пресс, кубики и дорожку волос к паху. Сглатываю. Кай хрипло смеётся.

— Нравится? Я не кусаюсь, можешь потрогать, — он кладёт мои руки на пояс своих джинсов.

На минуту просто залипаю, рассматривая цветные татуировки на мощных руках, груди и боках. Сексуально, даже слишком. Пальцами скольжу вверх по мощному животу, слегка царапая короткими ногтями рельефные кубики. Снежинский замирает. Кажется, не дышит. У меня самой в гортани пересохло, сердце стучит ужасно громко.

Мои ладони добираются до плеч, кончиками пальцев обвожу замысловатые рисунки, я не разбираюсь в этом, но тату качка мне нравятся. Красивые замысловатые узоры и надписи. Мне хочется рассмотреть их получше.

Но Кай не даёт мне такой возможности. Перехватив мои ладони, он настойчиво возвращает их на пояс. Намёк более чем понятен. А я даже глаза на него поднять не могу, хотя каждой частичкой чувствую, как пристально он на меня смотрит. По щекам разливается жар. Наверное, я похожа на помидор.

Дрожащими руками осторожно расстёгиваю пуговицы на джинсах. Первую, вторую. И тут до меня доходит, что на нём нет белья.

— Трусов, правда, нет.

— Офигеть! — больше мне сказать нечего.

Да и что сказать? Я впервые встретила человека, который не носит трусов. Мой мир никогда не станет прежним.

— Отомри, — шепчет он мне в макушку.

Облизнув пересохшие губы, я поднимаю глаза. Синие омуты смотрят внимательно и напряжённо. Словно он ждёт подвоха? Может, думает, что я передумаю и всё-таки убегу? Куда уж мне.

Еле стою, ноги ватные. Руки дрожат. Голова как в тумане. Если честно, я просто тяну время, играя в гляделки. Потому что не знаю, что делать дальше. Потянуть его джинсы вниз? Уф, от одной мысли об этом всё замирает в животе и ледяные мурашки бегут по спине к затылку.

Напоминаю себе: все через это проходят рано или поздно, и ничего, многим даже нравится потом, но не в первый раз, конечно. Надо потерпеть.

— Что не так? — Кай тянет меня за волосы, заставляет задрать голову, пытается что-то прочесть по моему лицу.

— Давай ты сам?

— Давай.

Не дыша смотрю, как он осторожно тащит мои штаны вниз, приседает, высвобождая ноги. Я переступаю через ткань, тяну Кая за кудри, а он вдруг замирает, утыкаясь носом мне в живот.

Интуитивно стараюсь отстраниться и делаю шаг назад. Наглые ладони тут же возвращают меня обратно.

— Стоять, — недовольно ворчит этот сгусток тестостерона.

Снежинский носом упирается мне в ямку пупка и шумно вздыхает. Горячий язык чертит замысловатые узоры, цепляет сережку пирсинга за стальной шарик и начинает посасывать. При этом Кай смотрит мне в глаза снизу вверх.

Картинка Айсберга на коленях волнует, я прикусываю губу и не могу оторвать взгляд.

А Кай усердно сосет сережку, водит пальцами по внутренней стороне бёдер, мурашки толпами разбегаются от центра живота в разные стороны и вниз. Где становится горячо и влажно. Дышу шумно и рвано. В голове пульсирует мысль: «Надо его оттолкнуть». Все эти его приёмчики ни к чему.

Мы не влюблённые, но пальцы сильнее цепляются за кудри, не понимаю, в какой момент игривые прикосновения исчезают.

Словно в замедленной съёмке, распахнутыми от ужаса глазами смотрю, как Кай водит кончиком носа по кромке трусиков и вдруг утыкается носом мне между ног.

На меня волной накатывает паника: для первого раза это слишком.

Понимаю, что он намекает на оральный секс. Пусть думает, что я ханжа, но сейчас я к этому не готова. Мне обычный бы пережить.

— Не надо так, — отталкиваю его, практически отпрыгиваю назад. — Я не хочу так.

Кай хмурится, поднимается.

Плывать, я тоже не в восторге от всего этого.

Минуту он внимательно меня рассматривает, нервно выдыхает в сторону и потом манит пальцем.

— Иди ко мне.

И я иду. Чего тянуть? Медленно подхожу и упираюсь взглядом в татуировку на правом плече, не могу на него смотреть. Руки дрожат, когда я все же окончательно расстегиваю джинсы. Кая и тяну их вниз. Приседаю, помогая ему перешагнуть, на минуту замираю, боюсь даже взгляд на него поднять.

Меня снова начинает потряхивать от нервов, и я становлюсь болтливой.

— А мы будем разговаривать? В процессе? Всякие там ругательства и грязные словечки? «Сучка»? «Глубже, резче, жёстче»? Что там обычно говорят?

— Соколова, не беси меня! Поцелуй лучше.

Кому лучше?

Обнимаю Кая, встаю на цыпочки и, прикрыв глаза, целую, он не отвечает.

Открываю глаза. Синие омуты внимательно меня рассматривают.

Прикусываю нижнюю губу и немного оттягиваю, глядя в глаза, снова стараюсь углубить поцелуй — и ничего. Давай же, ответь мне. Цепляюсь за плечи и осторожно веду ладони вниз, к груди, подушечкой пальца задеваю сосок. Кай вздрагивает, выдыхает мне в рот и наконец-то включается в игру языками. Жадно отвечает на мой поцелуй и быстро перехватывает инициативу. Его тоже потряхивает, кожей чувствую его мурашки.

Кай приподнимает меня за попу и вдавликает в пах, а тут уже все тверже некуда. Носом утыкаюсь ему в шею, стараясь выровнять дыхание. Мне жарко, и очень волнительно.

Снежинский как озверел, ни на минуту не перестаёт меня целовать: в шею, уши, ключицу, плечи. Поцелуи жалят, сильные руки мнут попу. Сама не замечаю, как он укладывает меня спиной на кровать, встаёт на колени на самом краю и щёлкает застёжкой бюстника, выкидывает его за спину.

Замирает, жадно рассматривает, жду, что меня накроет стыдом, но этого не происходит.

А он смотрит долго и горячо.

Ему нравится. Не разрывая зрительного контакта, он берет меня за лодыжки и упирает пятками себе в грудь.

Шумно дышит, лаская кончиками пальцев кожу, тыльной стороной ладони медленно ведёт по ногам, добираясь до трусов, цепляет большими пальцами кружево и стаскивает его.

Всё. Поздно бояться.

Трусы падают на пол. Кай разводит мои ноги, ложится сверху, утыкается носом в шею. Животом чувствую его эрекцию, паники нет совсем.

Устала бояться. Полное принятие. Запускаю пальцы в кудри и тяну. Ну же, посмотри на меня. И он смотрит, неотрывно, при этом трётся об меня бёдрами, имитируя толчки. Просто смотрит, а у меня внутри словно пожар разгорается.

Воздух становится тягучим и горячим, во рту пустыня, в голове вата. И только дикий голодный взгляд напротив скользит по моему лицу, груди, смотрит на живот и ниже. Чёрт, как он смотрит. Облизывается.

Кай напряжён, у него дрожат руки. Видно, сдерживается с трудом. Поворачиваю голову и целую его в запястье. Невесомо. Мне кажется, что вены на его руках проступают чётче, Кай замирает.

Прикусывает щёку, усмехается, отстраняется. Садится на пятки и растирает лицо, выдыхает:

— Fuck.

Без него холодно, чувствую себя уязвимой.

— Блядь, не сожрать бы тебя, — хрипит он и снова жадно целует меня всю. Ступни, колени, бёдра. Язык дразнит пупок, горячие пальцы замирают на моих рёбрах.

Неожиданно Кай рывком переворачивает меня и ставит на колени, ладошками упираюсь в матрас.

— Попалась, птичка.

После этих слов я каменею. Меня топят старыми страхами, пробивает холодный пот. Смотрю на свои дрожащие руки. Нет, нет, только не сейчас.

Ну зачем? Почему именно эти слова?

От былого возбуждения не остаётся и следа. Мне хочется разреваться и закрыть руками уши. Кай зовет меня, что-то говорит, поворачивает к себе лицом.

Не отвечаю. Потому что не могу.

Привет, паническая атака, давно не виделись. Шрам снова жжёт и щиплет как в первые дни, хоть и понимаю, что это фантомная боль. Сил хватает только дышать.

Ну что за придурок! Зачем он это сказал? Качок понимает, что что-то не так, но он слишком возбуждён и плохо себя контролирует. Да что там, не контролирует вообще.

Его руки и губы мечутся по мне хаотично и дёргано. Поймав практически безумный, пропитанный похотью взгляд, понимаю: сексу быть. Даже если мне удастся справиться с панической атакой, объяснить.

Кай рычит и заводится ещё сильнее. Больно тянет меня за волосы и запрокидывает голову, впивается в меня взглядом.

Закрываю глаза и стараюсь дышать глубже.

— Да посмотри ты на меня! Что за?.. Соколова? — его терпение на исходе. — Какого хуя? Ты говорить разучилась?

— Всё н-нормально.

Кай в таком состоянии, что всё равно не услышит и не поймёт, даже если я буду орать, что мне плохо и я ничего не хочу.

— Нормально, блять? — он замирает на секунду, дышит как загнанный зверь, злится. — Ладно.

Впечатывается в меня, резко разводит ноги в стороны.

Меня прибило от всего происходящего, он сам всё испортил, не хочу я так. Чувствую давление между бёдер, упираюсь ладонями в широкие плечи и инстинктивно стараюсь отстраниться.

Резкий рывок, тупая, прошивающая до позвоночника боль. Шиплю, не в силах принять его молча.

Снежинский замирает. Господи, как больно!

«Да, ты все правильно понял. Просто продолжай, чтобы это быстрее закончилось».

Новый толчок, и боль становится сильнее. Какой ужас, как это вообще может нравиться?

Зажмуриваюсь, по щекам текут слезы. Утыкаюсь носом ему в плечо, не хочу, чтобы он на меня смотрел.

Кая окончательно срывает, он начинает двигаться ещё быстрее и резче. Шумно дышит, но, слава богу, больше не пытается смотреть на меня или целовать.

Трахает.

Мне кажется, это длится бесконечно долго.

Мои невольные стоны, его рычание, особенный тягучий запах. Комната мелькает калейдоскопом. Вдруг Кай с хриплым рыком делает особенно резкий выпад, кончает и падает на меня. Тяжело и сбивчиво дышит.

Сталкиваю его с себя. Между ног мокро и липко, противно тянет.

Схватив простыню, кое-как оборачиваюсь. Не смотреть. Я не буду на него смотреть. И реветь при нём. Буквально сваливаюсь с кровати и на трясущихся ногах добираюсь до ванной. Щёлкаю замком.

Всё, теперь всё, можно выдохнуть.

Ловлю свой безумный взгляд в зеркале. Волосы взлохмачены, на щеках нездоровый румянец, глаза бешеные. Хочется орать и плакать. Меня трясёт так, что я сползаю с бортика ванны на пол, скулю от обиды и боли. Прикусываю кулак, стараясь взять себя в руки, надо помыться.

А дальше что? Не хочу его видеть, не хочу говорить с ним. Только не сейчас. За дверью слышны шаги и какие-то метания. Мне страшно, что он будет ломиться в ванную и что-то выяснять. Хлопок двери. Вздрагиваю. Ушёл.

Спасибо, Господи. Утыкаюсь носом в колени, реву. Кто ж знал, что у качка такой большой член и болтливый язык. Ужасный секс. Утешает, что с ним он первый и последний.

Глава 8. Кай

Какой нормальный мужик после секса думает о нём ещё сутки? Это что за хуйня? Причем о плохом сексе. Это вообще что было? Соколова не кончила, я сам кончил кое-как, чисто механически.

Кто знал, что она окажется девственницей?

Я думал, такое только в фильмах бывает. Двадцать первый век на дворе, и ей восемнадцать. Да сейчас школьники лет с тринадцати начинают трахаться, и к восемнадцати у всех уже приличный стаж.

Как она умудрилась остаться целкой? Ещё и в интернате? Просто охуеть.

А девочка — кремь. Я когда вошёл в неё и почувствовал преграду, сам себе не поверил. А Соколова только шипела и глаза прятала.

Дура, предупреждать, блять, надо.

Но остановиться я уже не смог.

Несколько секунд заставил себя не двигаться. Чтобы немного привыкла. И резко толкнулся глубже, а она даже не заорала, хоть я и видел, что ей больно, чувствовал, какая она узкая и тугая.

Только зашипела от боли и сцепила зубы. И пока трахал, глаза от меня прятала.

Вот тебе и школьница. Дрянь упрямая.

Какого хера я не воспользовался защитой? У меня ведь полные карманы. Потом вообще не вытащил и кончил в девчонку, а это уже совсем плохо.

Она какая-то неправильная, рядом с ней мой мозг шлёт меня на хер.

А адекватность и инстинкт самосохранения в стоворе с мозгом.

Теперь ясно, что ЗППП она меня вряд ли наградит, а ребёнком? От первого раза вообще беременеют? Мать как-то говорила, что у неё только один раз был с отцом, секс один, а ребёнка от него два. Блять.

Никогда себе такого не позволял.

Но мне понравилось. Понравилось в Соколову. Пиздец.

Перед глазами картинка, как после она торопливо сползла с кровати.

Брезгливо поморщилась, когда поняла, что из неё вытекает. Завернулась в простыню и убежала в ванную.

Ей очень больно?

Вся лёгкость разом куда-то делась, будто и не было разрядки минуту назад. Только одно желание: побыстрее свалить.

На кровати, на белых простынях, красное пятно выделялось особенно ярко.

Сука-а-а-а. Сглотнул. Огляделся в поисках одежды. Пока натягивал трусы, заметил, что член в крови. Где в этом клоповнике салфетки? В ванной, наверное. Похуй, дома помоюсь. Из номера летел через три ступеньки, внутри всё горело и бушевало, меня нехило потряхивало.

Сам толком не мог понять своих эмоций. Я был разочарован в себе, в ней, в этом тупом трахе. Так долго хотел её. И так всё тупо получилось.

Ей не понравилось. Эта мысль разъедала, шипела и пузырилась. Бесила. Да кому вообще может понравиться первый раз? Больно, грязно. Меня это вообще не должно волновать. Хотел — получил. Всё.

Как в дешёвой мелодраме, привёз её трахаться в номер отеля, не самого хорошего причём. Клоповник какой-то. Надо было всё-таки люкс брать, и в приличном месте, чтобы все нормально сделать.

Свободных люксов не было. И честно, я боялся, что Соколова передумает, да и вечный стояк на неё нехило давил на мозги. Так что они работали только в одну сторону: затащить

Машу куда-нибудь подальше от людей и отлюбить. До приличного места надо было ехать долго, да и бронировать заранее. Уже садясь в машину, понимаю, что кинул Соколову практически за городом. Как она выберется отсюда?

Машины у неё нет, всё-таки пригород.

Лбом на руль, руки противно дрожат, во рту пересохло. Хочется пить и прокашляться. Проораться. Пару раз ёбнул по консоли. Гадство.

Быстро вернулся в отель, попросил администратора вызвать такси для девушки из тридцать восьмого, когда она будет готова покинуть это милое место.

Кинул на ресепшен три купюры по пять тысяч, у администраторши глаза на лоб полезли.

— Это на такси и вам за беспокойство.

«И на новые простыни», — добавил мысленно.

Зачем я вообще оправдываюсь и перед кем? Всё, проехали. Живём дальше.

Пора заканчивать с этими утопическими настроениями. А Соколова? Что с ней будет-то? Доберётся как-нибудь. Хоть бы таксист увёз её в Сызрань, а лучше — в Магадан, с глаз долой.

Раз работать всё равно не получается и в голову лезет всякая херня, будем отдыхать.

Выдыхаю, ощутило треснув себя по морде, на хер такие думы. Соколова переживёт, интернатовская как-никак, закалённая. Сегодня я её не видел. Она вообще была на работе?

Да, блять.

Оттолкнувшись от стола, делаю пару кругов по кабинету на кресле, гипнотизирую айфон. Набираю на дозвон последний вызов. Макс отвечает практически сразу.

— Здорово, Айс! Ничего не говори, вангую, что ты заебался и хочешь отдохнуть?

— Ты просто мечта, а не мужик. Был бы бабой, я б тебе дал.

— У тебя нет шансов, — ржёт друг. — Давай тащись в «Перец», я всё организую: вкусную жрачку и приятную компанию.

Прям то, что доктор прописал.

Надо расслабиться.

Хочется набухаться, забыться и наконец-то нормально потрахаться.

Глава 9. Кай

Четыре часа в клубе — и ни хуя. Трезвый и злой. Бывают такие моменты, когда ничего не берёт и не срабатывает.

Сегодня все раздражает: громкая музыка, официантки как сонные мухи, запах и скрип кожаных диванов. И виски сегодня на вкус, как клопа на языке раздавили, и бестолковая Карина отчаянно виснет на мне уже второй час.

Бесит. Ногти слишком длинные, то и дело как бы случайно она царапает меня ими, духи слишком сладкие и этот заискивающий взгляд. Наверное, именно так Му-Му смотрела на Герасима.

Уже раз пятый схватила меня за член и предложила уединиться. Не хочу я. Какой смысл?

Если из головы не идёт презрительный карий взгляд, хрупкие ключицы и босые ступни, убегающие от меня.

Опять, блять, вижу, как Соколова стартанула в ванную, чтобы от меня спрятаться. Как же она меня злит. И вроде я её трахал, а полное ощущение, что поимели меня.

Не понравилось ей, видите ли. Мыться побежала. От меня отмываться.

Одного раза мало, чтобы отпустило. И это херовая новость.

Рано или поздно она свалит из моей головы, жизни и в идеале из компании.

— Каюш, ты сегодня какой-то рассеянный.

О, у Карины голос прорезался.

Каюш? Серьёзно? В её случае блондинка — это диагноз. Отодвигаюсь подальше.

Молчу, мне неинтересно. Блонди тоскливо вздыхает и обиженно отворачивается.

Вот умница, так и сиди. Макс на диване напротив зажимается с девчонкой.

Достаю из кармана телефон и набираю ему СМС:

«Ключи от зала Марата ещё у тебя? Хочу свалить, надо выпустить пар».

Музыка орет, и Макс, конечно, не слышит эсэмэску, но ловит мой взгляд и тянется к телефону. Читает, хмурится, печатает.

«Ты серьёзно? Выпусти пар с Каришей. Она горячая штучка. У меня тут секс намечается. Зал в час ночи? Всё так плохо?»

«Погнали».

Через два часа я взмыленный, потный и едва дышу. Хорошо-то как.

Мышцы приятно ломит, тело горит огнём. Макс лежит на татами, дышит, как загнанная лошадь. Я его уделал. И сам хоть нормально размялся.

Друг стонет и пытается сесть, вытаскивает капю.

— Что за на хуй? Ты меня чуть не убил!

— Не скули, дай лучше воды.

Он кидает в меня минералкой.

— А теперь рассказывай, как зовут эту бессмертную? И почему косячит она, а пиздишь ты меня? — отплёвывается и стягивает перчатки.

Скидываю свои, открываю воду. Прохлада приятно щекочет горло. Вытираю пот со лба и упираю руки в бока.

Друг терпеливо ждёт, глядя на меня с опаской.

Да уж, нечасто я вламываюсь в спортзал в ночи, чтобы выбить из головы всякое дерьмо, и устраиваю ему кровавую бойню.

Кажется, я ему бровь рассёк.

Блядская Соколова. Время откровений, хули. Меня разорвёт, если я не расскажу.

— Я трахнул Соколову, новенькую из моего отдела, про которую я тебе говорил. И она была девственницей, — выдаю все на одном дыхании.

— Охренеть, серьёзно целка? И как оно? Понравилось? А ей? Я надеюсь, ты был на высоте? — играет бровями.

Въебать бы Макс за его вопросы. Но он сейчас вроде психолога, а мне нужно выговориться. Или пар из ушей пойдёт.

— Было необычно, повторить хочется, и это плохо. Я обещал больше не трогать её.

— Почему это? — брови Макса сходятся на переносице.

— Ну, я её вроде как принудил, — говно какое-то получается, а не признание.

— Как это? Ты совсем ебнулся? Тебе согласных тёлочек мало? — Макс орёт так, что его глаза вот-вот вылезут из орбит.

— Ты, блядь, знаешь, что это статья? За это и сесть можно. Ты чем вообще думал?

— Не ори ты, она добровольно со мной поехала, и трахалась тоже. Я надавил, конечно. Но, бля, всё сложно.

Да уж, даже звучит так себе. Хуй знает, как это всё объяснить. Да и надо ли? Макс недобольно качает головой.

— Я в шоке. Бро, это же пиздец!

— Всё, забыли! — хватаю полотенце и быстро иду в душ.

Что за день? Всё через жопу. Ни потрахаться, ни напиться, ни поговорить нормально — сегодня ничего не получается. Уебанский денёчек. Хотя фактически он уже закончился. Врубаю воду и встаю под струи, подставляю голову, ладонями упираюсь в кафель. Вода остужает разгоряченное тело и нервы, смывая разочарование, злость, растерянность. Сердце успокаивается и больше не грозит проломить грудину. Выдыхаю. Закрываю глаза. И снова крошечные босые ступни перед глазами. Бля-а-ать.

Глава 10. Кай

Следующие десять дней усиленно работаю, практически живу в кабинете, чтобы лишний раз не пересекаться с Машей.

Я погуглил про дефлорацию: пишут, что примерно за этот срок если всё нормально, то должно зажить.

Вот как я должен узнать, нормально у нас там всё или нет? Меня бесит, что мне не всё равно. Я уже даже про разрывы все статьи прочёл. Я нажестил в первый раз? Скорее, да.

Но дело даже не в моей внезапно проснувшейся совести, а в том, что не видать мне покоя, пока Соколова со мной не кончит. Незакрытый гештальт, мать вашу.

Сегодня пятница, последний рабочий день, и я попросил Ивана, чтобы он накидал Маше побольше задач. Конец рабочего дня, офис почти пустой, и я точно знаю, что Соколова всё ещё возится в архиве.

Ровно минуту даю себе одуматься, но это ни фиги не работает. Срываюсь к ней.

Дверь приоткрыта. Маша сидит на стремянке, качает одной ногой, туфли валяются на полу. Строгая юбка задрана выше колен, кружевная резинка чулок цепляет взгляд, пара верхних пуговиц на рубашке расстёгнута. Здесь душно.

И уютный полумрак. Лампочки перегорели из-за скачка напряжения, не успели ещё заменить.

Волосы заплетены в две французские косы, что придает ей вид школьницы. Румяные щёчки. Она кусает губы, листая какую-то папку. Очень горячая школьница.

Облизываюсь, тяну воздух: пахнет чем-то сладким, яблоками.

Замечаю пару больших красных рядом с ней на стеллаже, одно надкусано.

Да Соколова и сама вся как наливное яблочко, сплошное искушение.

Упираюсь лбом в косяк.

Ну, посмотрел, а теперь давай вали. Не будет она молчать, крик поднимет. Скандал же будет.

А вдруг нет?

Закрываю дверь. Соколова реагирует на звук, поднимает голову. Смотрит удивленно.

— Привет, Маша, — голос непроизвольно хрипнет на её имени.

— Привет, а ты как тут? — интересуется она, запоздало поправляя юбку.

Я уже всё рассмотрел и запомнил ещё с первого раза. Поэтому и припёрся.

— Да вот, зашёл спросить, как ты себя чувствуешь. Как здоровье после?.. — хмыкаю, так и не сумев подобрать слово.

Маша краснеет, но отвечает бойко:

— Нормально здоровье, а где все? Ушли уже? Ваня ещё тут?

— Нет, ушёл со всеми. Мы тут одни, Маш, — моим голосом только маньяков озвучивать.

Упиваюсь её растерянным видом.

За эти десять дней она даже не взглянула в мою сторону. Коза.

Вроде и незачем ей глядеть: она выполнила условие — секс был. И я должен отвалить. Ну кто же знал, что меня так на ней замкнёт? И она об этом тоже пока не знает.

— А ты почему не ушёл?

— Потому что очень хотел тебя увидеть, узнать, как ты вообще. Я, кажется, нажестил тогда в гостинице, очень больно было? — может, и тупо спрашивать через десять дней, но меня реально беспокоит этот момент, кровищи столько было.

Маша тушует, нервным движением пытается засунуть папку на полку.

— Зачем ты спрашиваешь? Конечно, было больно, а то ты сам не понял? Да какая разница вообще теперь?

Прижимает папку к груди, словно защищаясь.

Губы обиженно подрагивают. Ей неприятно вспоминать. Нажестил всё-таки.

Плохо-плохо.

Медленно приближаюсь, не хочу пугать.

— А ты зачем дверь закрыл? — подозрительно щурится

— А я, Маш, извиниться хочу.

— Эм, ладно.

— Ты извини меня, я обычно более уравновешенный парень. Только не с тобой почему-то, — делаю паузу, тщательнее подбирая слова. Мне хочется, чтобы поверила. — С тобой всегда что-то идёт не так, начиная с нашей первой встречи, в клубе. Хочу, чтоб всё было по-хорошему, а получается дичь.

Герда внимательно слушает, взглядом следит за моим приближением.

Останавливаюсь рядом с ней. Наши лица практически на одном уровне, она чуть выше. Аромат яблок становится ярче. Сглатываю. Маша облизывается. В паху тяжелеет. Я же не железный, а мой последний секс был десять дней назад.

Руки сами собой находят маленькие стопы. Она поджимает пальчики.

Веду подушечками пальцев вверх, по лодыжкам, икрам, коленям, выше.

Соколова машинально сводит колени, защищаясь от моих прикосновений.

Это не нравится уже мне.

— Кай Алексеевич, что вы делаете?

Карие глазища становятся ещё больше, голос дрожит.

Волнуется? Возбуждена? Боится? Последнего не хотелось бы.

— Мы снова на «вы»? Я же сказал, что хочу извиниться, — нечеловеческим усилием заставляю себя убрать руки.

— Эм, хорошо. Будем считать, что ты извинился, я простила.

— Но я ведь испортил тебе первый секс.

Маша хмурится, но не отрицает. Зараза.

— Гм, — прокашливается. — Мы сейчас это будем обсуждать? На работе?

— Почему нет? Мы практически одни в офисе, не считая уборщиц и охраны. Я прям очень раскаиваюсь и хочу сгладить негатив от своего поступка. Накинулся на тебя, как зверь.

— Ладно, тогда купи мне кофе и большую шоколадку, — улыбается Соколова.

Смеюсь, утыкаюсь ей в колени. Наивная маленькая Герда. Откуда только взялась на мою голову?

— Слишком нагло? Ну уж, извини, ты похерил мой первый секс, а это потеря потерь, — закусывает щёку, стараясь не улыбаться.

— Окей, будет тебе литр кофе и килограмм шоколада, но вообще, я другое имел в виду.

Взгляд сам собой приклеивается к расстёгнутой рубашке, выемке на груди, где так манко виднеется белое кружево.

Герда ловит мой взгляд, судорожно вздыхает, стараясь застегнуть рубашку.

— Не надо, — перехватываю её запястья.

Хочу смотреть. И трогать, конечно.

— Кай, — нервно.

Она явно растерянна. И не понимает, чего я хочу. Ну, потому что вроде ведь всё было, и было по-честному. Я обещал её больше не трогать. Язык бы мне откусить за это.

Веду носом по маленькой ладошке, кладу голову ей на колени.

Дергается, стараясь увернуться. Фиксирую за ягодицы, поднимаю на неё взгляд.

— Я не понимаю, что ты хочешь? — шёпотом.

Я сам ни хрена не понимаю. И ничего вменяемого тебе не скажу. Но что-то сказать надо. Не молча же лезть под юбку.

— За мной должок, Герда. Я хочу, чтоб ты кончила. В твой первый раз я так охренел от твоей девственности, что меня сорвало. Обычно я себя так не веду и мои партнёрши всегда кончают. Так что я тебе должен.

Маша пыхтит, пытаясь столкнуть мой подбородок со своих коленей. Не могу сдержать улыбку. Не понравилось тебе про других партнёрш? Так и до ревности недалеко.

Она отталкивает меня, соскакивает со стремянки. Сразу такая мелкая.

— Так, всё это уже явно перебор. Не надо мне ничего. Ты извинился, я простила. На этом поставим логическую точку.

— Ты что, боишься меня? Да ладно тебе. А я как-то неожиданно соскучился. Десять дней всё-таки.

Маша выглядит то ли напуганной, то ли взбешенной, то ли возбужденной.

Часто дышит, сверлит меня колючим взглядом, но рубашку больше не пытается застегнуть.

— Ты красивая такая. Яблоками пахнешь, я слюной сейчас захлебнусь.

Я вообще не мастер комплиментов, но правда ведь красивая.

Соколова словно сдаётся. Зажмуривается. Она хочет поиграть, но в жизни не признается. Гордая.

Ураганом сметаю её в объятия. Жалобно пискнув, она виснет на мне, как на пальме. Юбка трещит по шву, потому что Маша обхватывает меня ногами и руками.

И первая начинает целовать. Я отвечаю как ненормальный. Её рот нереально вкусный. Я ловлю в капкан розовый язычок и жадно сосу.

— Аш-ш...

Герда больно прикусывает меня за верхнюю губу, зло смотрит в глаза. Тебе тоже эти десять дней поперёк горла встали?

Усаживаю её на стол с какими-то бумагами, половина летит на пол.

Целуемся. Жадно шарю руками по ягодицам, сжимаю.

— Я переживал, как там у тебя всё. Зажило?

— Уже да.

— А сразу после секса как было?

— Болело очень и кровило несколько дней, — опускает взгляд.

Ну пиздец. Понятно, почему она даже не смотрела в мою сторону.

Цепляю указательным пальцем за подбородок, ловлю влажный взгляд. Я обидел её.

— Прости меня, пожалуйста. У меня правда тогда стоп-кран сорвало. Первый раз у меня такой был.

— И у меня первый, — шепчет зацелованными губами Герда.

И я улетаю от осознания, что я реально первый был. Единственный.

Почему-то сейчас это радует. Раньше меня как-то не очень этот вопрос заботил. Мне казалось, чем опытней партнерша, тем лучше. Но и девственниц до неё у меня не было.

Широко улыбаюсь, морда вот-вот треснет. Маша смущённо улыбается в ответ.

А я снова целую, она часто дышит, запускает пальчики мне в волосы.

Развожу её колени, встаю между ног.

Очень правильная позиция, вот прямо тут мне самое место. Трогаю её везде: бёдра, ягодицы, спина. Оторвавшись от губ, ловлю пьяный взгляд, дёргаю за ворот рубашки. Маша шокированно следит, как пуговицы разлетаются по полу.

Собирается что-то сказать, но я снова нападаю на её рот. И зацеловываю, пока она не начинает задыхаться. Утыкаюсь носом в ключицу, веду языком ниже, прикусываю сосок через тонкое кружево.

Маша всхлипывает, цепляется за мои плечи. Тянет в сторону. Такая отзывчивая, послушно целую вторую грудь. Прикусив сосок, втягиваю в рот. Сдвигаю трусики, пальцами проверяя готовность. Мокрая.

Осторожно ввожу два пальца, жду, что Герда начнёт зажиматься, но она лишь шире разводит бёдра и нетерпеливо елозит по столу. Третий палец входит туго, но мне кажется, именно так она сможет кончить. Начинаю трахать ее пальцами, не переставая ласкать грудь. Большим пальцем растираю влагу по клитору.

Маша стонет, так что мне самому кажется, что я вот-вот кончу от её удовольствия. Сам дышу как после пробежки.

— Хорошо тебе? Хорошо? — шиплю, прикусив её за ушко.

— Д-д-да, очень, — стонет Герда, нетерпеливо подаваясь бёдрами вперёд.

Мы находим общий ритм. И это нереально горячее зрелище. Маша в чулках, на столе, румяная, на грани оргазма.

Мне кажется, что мы только начали.

Так мне всё нравится: запахи, звуки, прикосновения.

Маша вдруг замирает, взгляд стекленеет, она утыкается мне в шею и громко стонет. Чувствую, как она сокращается, кончает. Рвано дышит, хватка на моих плечах слабеет. Отстраняется. Поправляю трусики, одёргиваю юбку, с рубашкой беда, конечно.

Вот это она ракета, завелась с пол-оборота. А мне жаль, что всё случилось так быстро. И вроде как больше нет повода прикасаться, но очень хочется, чтобы и она ко мне прикоснулась.

Поправляю брюки, каменная эрекция семафорит о том, что мне очень нужна ответная любезность. Но Герда выглядит такой дезориентированной, что я даже не заикаюсь об этом.

— Ты как?

Пытаюсь поймать её взгляд.

— Н-нормально, — отвечает она неуверенно

— Ну, ты, конечно, бомба, это было круто! — не могу скрыть свое восхищение.

— Бумаги рассыпались, я полдня разбирала, — шепчет она, безуспешно пытаясь привести рубашку в порядок.

— Забей, в понедельник кто-нибудь из новых стажёров разберёт.

— Я, вообще-то, тоже стажёр, — упрямится.

Да блин! Что с тобой не так? Ты же только что так феерично кончила, а тебя волнуют какие-то бумаги? Мысленно ору, сам же сверлю её взглядом.

Видимо, это отходняк такой, посторгазменный синдром, мать его.

— Мне домой надо, — обувается.

— Я отвезу.

— Нет, не надо, я лучше на такси.

Меня бесит, что она хочет сбежать, сразу после секса. Хочется заорать что-то типа: «А пообниматься?»

Стойкое ощущение, что меня снова поймали. Что не так с этой девочкой? Ведь сейчас был хороший секс и она точно кончила! А итог такой же, как после херового траха.

— П-пока, — Герда неловко прощается и выскальзывает за дверь

— Угу, — поправляю ширинку.

Отпускаю. Потому что чувствую: сейчас Маша сможет отсечь так, что мало не покажется, и лучше не давить.

А я всё-таки очень рассчитываю, что это не последний наш секс.

Я по-прежнему очень хочу секса с Гердой. Такого, после которого она не сбежит, блядь, а сядет к моим ногам, прося добавки.

Глава 11. Кай

— Нет, я сегодня не приеду. Может, завтра. У Ивана день рождения, и мы отмечаем на даче. Обязательно. Пока.

Скидываю звонок отца, снова звал на ужин. Небось очередная жена беременна. И ему не терпится поделиться радостью.

Никак не успокоится с этой темой.

Отпиваю коньяк, ледышки позвякивают на дне стакана. У Ростова дняха, и мы отмечаем у него на даче. Почти все наши здесь, нет только Сафоновой и Аниты. И слава богу, в последнее время эти две утомили меня своим вниманием. Чего не скажешь о Соколовой.

Очередной взрыв хохота. Оборачиваюсь. Маша стоит в компании Леночки, Дэна и Ростова. Последний по-свойски закинул ей руку с бутылкой на плечо и периодически приобнимает, чтобы отпить.

Руки ему, что ли, оторвать? Да нет, именинник всё-таки.

Шашлыки он её учит жарить. Как же. Ржут, как кони.

Соколова широко улыбается, поправляет волосы. В коротком синем платье с кожаными вставками и в массивных белых кроссовках выглядит она на удивление эффектно.

Ростов что-то шепчет ей на ухо, Маша наклоняется ближе, слушает, поправляет его куртку у себя на плечах. Заботливый какой. Кажется, она что-то пролила на своё пальто, я приехал последним, и она уже расхаживала в его кожанке.

Сегодня тепло, солнечный день, птички поют. За городом красота, но мне кажется, у меня кислородное отравление.

Как иначе объяснить неприятный ледяной ком в животе? Когда Маша вдруг смачно целует Ивана в щёку, а он довольно лыбится и делает губы «уточкой», выпрашивая другой поцелуй. Кладет руки ей на талию, обнимая сзади.

Придется оторвать всё-таки.

Герда отходит от веселой компании и грозит Ивану пальцем. Идёт в беседку, берёт бутылку вина, отпивает из горла. Это её вино, Ростов купил какое-то девчачье, легкое, именно ей, остальные пьют напитки покрепче.

— Маш, у меня вино закончилось! Ваня говорит, есть в доме, в погребе, принеси, пожалуйста! — кричит Леночка и складывает ладошки в просящем жесте.

— Без проблем! Только я не знаю, где этот погреб.

Герда возвращается к мангалу и слушает инструкции Ивана. Уходит в дом.

Снимаю авиаторы, жилетку. стакан оставляю на скамейке. Я знаю, что это плохая идея, но меня магнитом тянет за ней.

Мы уже два часа играем в гляделки, между нами искрит. Маша улыбается, хохочет и общается со всеми, кроме меня.

Но смотрит постоянно. Я тоже за ней наблюдаю, без палева, через тёмные стёкла.

Со мной она только поздоровалась и перекинулась едва ли десятком слов за всё время, что мы здесь, и это, пожалуй, самое долгое наше общение после её побега из архива.

Неделька выдалась адская, я мотался по области. Соколова была с ребятами на выездах. Мы практически не виделись.

Странное ощущение, непонятное, её невнимание меня раздражает и неприятно щекочет за затылком. Она царапала меня там, когда кончала.

Захожу в дом. Мимо лестницы на второй этаж сразу налево. Я знаю этот дом как свои пять пальцев. Спускаюсь вниз.

Маша что-то мурлычет, водит пальчиком по бутылкам на стеллаже.

Пытается прочесть. Зря, там всё на французском.

Крёстный Ивана живет во Франции, у него свои виноградники. Поэтому у Ростова всегда шикарный ассортимент вин.

— Дома чего? — хмурится Маша, крутит бутылку в руках.

— *Domaine du Vissoux*, — подсказываю.

Вздрагивает, двумя руками вцепляется в бутылку.

— Господи, зачем так пугать? Я чуть бутылку не уронила! — аккуратно ставит вино на место.

Дёргано поправляет юбку. Бесполезно, это платье очень короткое.

— Разобралась с вином? — подхожу ближе, опираюсь плечом на стеллаж.

— Нет, я не запомнила название, что Лена говорила. Да и с языками у меня не очень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.